

Карта-схема

мест расселения и трудоустройства
спецконтингента на территории
Коми-Пермяцкого автономного округа
1929-1954 г.г.

МЕМОРИАЛ
международное
историко- просветительское,
правозащитное и благотворительное
общество

Г. Гудовщиков.
А. Кривощёков.

*Места
расселения и трудоустройства
спецконтингента на территории
Коми-Пермяцкого округа
1929 – 1954 гг.*

(карта-схема и описание)

*Коми-Пермяцкое отделение общества «Мемориал»
г. Кудымкар
2006 г.*

Описание
к карте мест расселения и трудоустройства
спецконтингента на территории Коми-Пермяцкого округа
1929 – 1954 гг.

*Система
исправительно-трудовых учреждений в округе.*

Юсьвинский район.

1. Усть-Пожва – ИТК «Усоляг» строгого режима с 1941 года по 1954 год. Контингент до 1400 заключенных.
2. Усть-Пожва в 1944–1946 годы находился концлагерь немецких военнопленных, работавших в лесной промышленности и грузовой пристани Майковского завода.
3. Лемпиха – отдельный дивизион охраны НКВД и лагпункт до 1955 года.
4. Елизавето-Пожва временный лагпункт на строительстве УЖД в 1948–1952 годах по вывозке леса.
5. Кордон – отдельный лагпункт исправительно-трудовой колонии «Усольгидролес» учреждения «Сталинградгидролес» до 1300 заключенных на строительстве УЖД и поселка для лесозаготовителей.
6. Камское Городище со слов начинали строить заключенные, а продолжили и стали жить перед войной спецпереселенцы. Нынешний пос. Кама.

Гайнский район.

1. Усть-Чёрная, посёлок, дислоцировался отдельный взвод охраны системы ИТУ НКВД – МВД СССР для задержания бежавших заключённых. 1943/1970 г.г.
2. Бадья, посёлок. Учреждение К-231/4, отдельный лагпункт на реке Бадья. Гайно-Кайская железная дорога с широкой колеёй, с 1938 г. пассажирская, системы НКВД-МВД СССР и РФ.
3. Пелес, железнодорожная станция для обслуживания лагерных подразделений К-231, затем н/п.
4. Чернореченск, посёлок. В 1935–1957 годах ж/д станция Чёрная учреждения К-231.
5. Весляны-2 (Веслянка-2), лагерный пункт по заготовке леса, «подкомандировка». Имел УЖД, К-231. В настоящее время не существует.
6. Весляны-3 (Веслянка-3), лагпункт, имел УЖД и 10 барачков. Не существует.
7. Нижняя Старица, село. Отдельный лагпункт «Соликамсклаг», УЖД до 1957 года.
8. Чепечанка, лагерный пункт по заготовке леса «Соликамсклаг» до 1990 года.
9. Касево, лагпункт по заготовке леса «Соликамсклаг» до 1990 года.
10. Усть-Мый, отдельный лагерный пункт, имел УЖД до 1950-х годов.

ДИСЛОКАЦИЯ
мест расселения спецпереселенцев, трудпоселенцев и иного
спецконтингента в районах Коми-Пермяцкого округа

Юсьвинский район

(в рамках современной территории).

Камский сельсовет:

1. Кама, спецпосёлок в конце 1930-х годов. Немцы, литовцы, русские. К 1945 году действовала средняя школа.

2. Тузим, спецпосёлок. На 1.06.1939 г. проживало 544 переселенца, которые заготавливали лес для завода № 172. На 1.07.1943 г. проживало 145 ссыльных семей, всего 501 человек с детьми.

3. Пожёвка, спецпосёлок.

Пожвинский поссовет:

4. Усть-Пожва, деревня, пристань на Каме, в 1937–1938 годы спецпереселенцы из Украины и Коми-округа работали на грузовом причале Майкорского металлургического завода.

5. Гордон, посёлок трудпоселенцев, лесопункт Пожвинского ЛПХ.

Майкорский поссовет:

6. Майкор, рабочий посёлок, на 1.06.1939 года работало на углежжении на заводе 940 человек ссыльных с учётом детей.

7. Горбуново, деревня, на 1.06.1941 г. проживало 350 трудпоселенцев с учётом детей.

8. Горки («Татарский посёлок»), спецпосёлок. Основан в 1930 году по типу «закрытого спецпоселения» священнослужителями из Белоруссии. На 1.03.1941 г. 585 ссыльных. Проживали латыши, евреи, поляки, литовцы, эстонцы, казанские татары. На 1.07.1943 г. проживало 105 семей – 458 человек.

9. Селино, деревня на правом берегу Иньвы. В 1946 г. жили ссыльные казанские татары, прорыли канал «Татарская канава».

Оньковский сельсовет:

10. Большие Они, деревня. В послевоенный период проживали западные украинцы и литовцы, строили дорогу на Гэнеш и далее до Тукачево. В Гэнесе долго проживали литовцы.

Купросский сельсовет:

11. Купрос, село. С 1945 г. проживали литовцы.

12. Купрос-Волок, спецпосёлок («Литовский посёлок»), в 1938 году Пророманшерский хутор, где была основана сельхозколония из спецпереселенцев, 10 семей, 58 человек. Далее проживали литовцы, татары, латыши и поляки.

13. Малиновка, деревня в шести км от Соболёвских барачков. Литовцы и поляки.

14. Агишево, деревня. На 1.01.1938 г. создана сельхозколония из ссыльных, 16 дворов, 97 человек. Агишевский лесной барак, где жили

спецпереселенцы 30-х годов, на 1.01.1938 года осталось 5 человек. В 1940 году здесь на правом берегу Иньвы напротив деревни белорусы и литовцы построили спецпосёлок Агишево.

15. Соболёво, деревня. Сельхозколония, 39 дворов, 151 ссыльный на 1.01.1938 года. Соболёвские бараки, раскулаченные спецпереселенцы из западных областей СССР на лесозаготовках для металлургического завода в Майкоре. В трёх километрах от Соболёво была деревня Вахрам, где тоже жили белорусы, составляя одну Соболёвскую сельхозартель, а затем работали на лесозаготовках.

16. Малый Голяшер, деревня, сельхозколония, 4 двора, 11 ссыльных.

17. Большой Голяшер, деревня, сельхозколония, 30 дворов, 172 ссыльных.

Аксёновский сельсовет:

18. Дублёново, фактически два поселения Верхнее и Нижнее Дублёново построены в конце 1930-х, начале 1940-х годов белорусами и литовцами. Закрыты в 1978–1980 годах.

Крохалёвский сельсовет:

19. Крохалёво, село. Литовцы, Американец. По рассказам жителей в селе проживала военнопленная финская лётчица с ампутированными ногами, являлась прекрасной портнихой. Увезли в Финляндию в 1956 году, как национальную героиню (нуждается в проверке).

20. Верх-Кучи (Верхний Куч), спецпосёлок, на 1.01.1938 г. один лесной барак, затем лесопункт из трудпоселенцев. Литовцы, литовские поляки, в 1946 году проживало 320 человек. Начальная школа, столовая, клуб.

Доеговский сельсовет:

21. Доег, село. В Доеговском ЛПХ работали немцы, литовцы.

Тиминский сельсовет:

22. Малое Азово, деревня, сельхозколония, на 1.01.1938 г. 4 двора, 19 человек.

23. Большое Азово, деревня, сельхозколония, на 1.01.1938 г. 19 дворов, 91 человек.

24. Большое Тукачёво, деревня, на 1.01.1938 г. 27 дворов, 144 ссыльных.

25. Малое Тукачёво, деревня, на 1.01.1938 г. 21 двор, 84 ссыльных.

Тукачёвский сельсовет (бывший Тиминский):

26. Тукачёво (Посёлок База), спецпосёлок. В 1930-е годы раскулаченные спецпереселенцы, кроме того на 1.01.1938 г. сельхозколония из 14 хозяйств, 83 человека. Немцы Поволжья, Украины, западные украинцы. С ноября 1945 года литовцы.

27. Комсомольский, спецпосёлок, раскулаченные, сельхозколония, на 1.01.1938 г. 3 хозяйства, 16 человек. С 1945 года литовцы.

28. Лебедяга, спецпосёлок, в 1938 году лесной барак «Лебедяг»

29. Верх-Нёнь, лесной посёлок. После 1945 года расконвоированные ОУНовцы и западные украинцы.

30. Лесной барак «Голяшор»-1, в 1937 году. Не путать с деревней.

31. Лесной барак «Лапко»-1. 1937 год.

Мелюхинский сельсовет:

32. Мелюхино, село. В 1940–1943 гг. проживали высланные поляки Люблинского воеводства.

Архангельский сельсовет (бывший Карасовский):

33. Забганово (Забган), деревня. На 1.01.1938 г. сельхозколония, 10 хозяйств, 35 спецпереселенцев. В 1940–1943 г. г. проживали поляки-осадники Львовского воеводства.

Юсьвинский сельсовет:

34. Юсьва, село. В 1942 г. проживали поляки-осадники Львовского воеводства.

Харинский сельсовет.

35. Первомайский, строился как спецпосёлок силами белорусов и литовцев, затем лесопункт. В 3-х километрах от деревни Ключи. Не существует.

Косинский район.

Сосновский (бывший Чазёвский) сельсовет:

1. Сосновка, спецпосёлок. На 1.01.1932 г. – 1876 раскулаченных спецпереселенцев, в том числе мужчин – 624, женщин – 561, детей до 16 лет – 691 человек. На 15.01.1932 г. числилось 522 хозяйства. В апреле 1932 г. для 523 семей был определён план на обработку пашни, сенокосов, лесосеки.

Светличанский (бывший Порошевский) сельсовет:

2. Сольм, спецпосёлок. На 1.01.1932 г. – 1212 человек, в том числе мужчин – 455, женщин – 335, детей – 422, 289 семей. На 1.07.1939 г. – 165 семей, 619 трудпоселенцев, трудоспособные из которых работали в Косинском леспромхозе. На 1.07.1943 г. – 171 семья, 591 человек.

Порошевский (бывший Н-Косинский) сельсовет:

3. Одань, спецпосёлок. На 1.01.1932 г. – 422 переселенца, в том числе мужчин – 153, женщин – 129, детей – 160. В 1932 г. была создана сельхозколония (сельхозартель) и к 1937 году объединяла 55 хозяйств с 95 трудоспособными, имела 260 га земли. На 1.07.1939 г. 48 семей трудпоселенцев, 238 человек. На 1.07.1943 г. 47 семей, 215 человек.

Косинский (бывший Селищенский) сельсовет:

4. Лочь-Сай (бывшего Селищенского сельсовета), спецпосёлок. На 1.01.1932 г. 367 спецпереселенцев, в том числе 130 мужчин, 114 женщин, 123 ребёнка. На 1.01.1939 г. – 31 семья, 112 трудпоселенцев. На 1.07.1943 г. – 33 семьи, 102 человека.

5. Бадь-Пашня (бывшего Селищенского), спецпосёлок, образован в 1931 году. На 1.01.1932 г. – 587 спецпереселенцев, в т. ч. 187 мужчин, 166

женщин, 234 ребёнка. На 1.07. 1939 г. – 44 семьи, 183 человека. На 1.07.1943 г. тоже 44 семьи, 162 человека.

Пуксибский сельсовет:

6. Становоль, спецпосёлок. В 1923 г. выселок Варышанского земельного общества на реке Косья. Спецпоселение построено возле бывшего выселка в 2-х километрах от д. Варыш. Сельхозколония, затем артель. В настоящее время не существует.

7. Новый Путь, спецпосёлок с 1931 года. Образован в 1930 году. Местное название Коврига. На 1.01.1932 г. 198 спецпереселенцев, в т. ч. мужчин – 46, женщин – 82, детей – 70.

В апреле 1931 г. совместно с с/п Становоль создана сельхозколония из 40 семей с выделением сельхозугодий, пашни, домашнего скота.

Чураковский (Лямпинский) сельсовет:

8. Усть-Коколь, спецпосёлок с 1931 года, расположен между трёх рек: Лолым, Коколь, Бадью. На 1.01.1932 г. – 521 переселенец, в т.ч. мужчин – 175, женщин – 154, детей – 195. Весной 1932 г. запланирована сельхозколония из 229 семей, выделены земля, семена, инвентарь. На 1.07.1939 г. – 45 семей, 162 поселенца, из которых трудоспособные работали в Косинском леспромхозе. На 1.07.1943 г. – 40 семей, 147 человек. В настоящее время не существует.

Юрлинский район.

Усть-Берёзовский сельсовет:

1. Липово, спецпосёлок, в 1940 г. завезены поляки из Тернопольского и Львовского воеводств.

2. Сюзьва (бывший Елогский сельсовет), спецпосёлок. До войны жили западные украинцы и поляки, за 1940–1941 годы умерли 30 человек. После войны украинцы и литовцы, в 40-е годы умерло 15 человек.

3. Усть-Берёзовка, посёлок. В 1945–1948 годах трудпоселенцы из Ростовской области, украинцы, литовцы. Умерло 16 человек.

4. Верх-Коса, посёлок. В 1945–1946 годах умерло 17 человек трудпоселенцев.

Сюрольский сельсовет:

5. Лопан, спецпосёлок. Поляки с марта 1940 года. С 1945 по 1948 годы жили украинцы и литовцы, умерло 11 человек.

6. Усть-Пышья, спецпосёлок. Поляки. В обоих посёлках за 1940–1941 годы умерло 52 человека.

7. Конанов Бор, спецпосёлок. Лопанский лесучасток. Поляки, карелы (возможно эвакуированные).

8. Сюрол, деревня, Сюрольский лесучасток. Поляки, в 1945–1948 годах украинцы и литовцы, умерло 18 человек.

9. Лопан (Булычи), деревня. Поляки.

10. Чугайнов Хутор, посёлок. Украинцы. В 1946 г. умерло двое.

Усть-Зулинский сельсовет:

11. Кирьяново, посёлок. Проживали финны, в 1941 г. умерло 5 человек. В 1945–1948 годах украинцы и литовцы. За этот период умерло 17 человек.

12. Кроме того необходимо установить:

– пос. Кузьва, 72-й квартал;

– пос. Красная Курья по реке Пышья в сторону р. Коса;

– посёлки Нижний Бор, Верхний Бор, Конанов Бор Лопанского лесопункта.

– лесопункты Юрлинского ЛПХ, на 1.03.1941 года – 508 семей, 2451 человек спецссыльных-осадников, в основном из числа польской национальности.

Гайнский район.

(в рамках современной территории).

Керосский сельсовет:

1. Керос, спецпосёлок. Земельный участок выделен колонизационной партией НКВД СССР из кварталов 117-118 Гослесфонда в октябре 1929 года и сразу прибыли белорусы и поляки из западных областей страны. На 1.01.1932 г. имелось 233 хозяйства спецпереселенцев и единственная столовая на все спецпоселения в 1931 году. Зимой 1936 года прибыли спецпереселенцы из Гомельской области. На 1.07.1939 г. проживали 61 семья из 190 трудпоселенцев, на 1.07.1943 г. 57 семей – 189 человек. 18.06.1944 г. привезли более 300 крымских татар. По истечении ВОВ поступили литовцы.

2. Ельдор, спецпосёлок. Определён под строительство в 1929 г. на р. Чатма в 74-м квартале. В этом же году прибыли поляки, более 200 человек осваивавших новое поселение, из числа которых через год половина скончались. На 15.01.1932 г. – 284 хозяйства, затем пересыльный пункт на пути этапирования в регионы Севера и из Коми ССР в спецпоселения Гайнского района. В 1946 г. сохранились 6 барakov в 3 ряда без крыш на каменных фундаментах.

Усть-Черновской сельсовет:

3. Смагино, спецпосёлок. Строительство начато в 1929 году силами местного населения. Первые «раскулаченные» спецпереселенцы поступили в зиму 1929–1930 г.г. На 15.01.1932 г. – 134 хозяйства. На 1.07.1939 г. – 90 семей, 343 человека, из которых 140 детей. На 1.07.1943 г. – 88 семей, 309 трудпоселенцев. В 1945 г. существовал детский дом, в котором было свыше 30 детей крымских татар. Проживали русские, белорусы, поляки, литовцы, татары, немцы. В настоящее время улица Смагина пос. У-Чёрная.

4. Ломовка, спецпосёлок с 1929 г. в 5 км в верх по течению р. Чёрной от пос. Усть-Чёрная. На 15.01.1932 г. – 143 хозяйства. В 1946 г. стояли 4 нежилых типовых дома и остатки строений, а также 6 барakov.

5. Дедовка, спецпосёлок с 1929 г. На 15.01.1932 г. – 113 хозяйств спецпереселенцев. С 1944 г. проживали крымские татары. В настоящее время не существует.

6. Верх-Дозовка, спецпосёлок из типовых домов в три улицы с мельницей. Было построено здание спецкомендатуры. Раскулаченные, затем крымские татары. Остатки строений сохранились по настоящее время.

7. Пельмин-Бор, спецпосёлок, участок земли под строительство выделен ОКРЗО из Гослесфонда кв. 269 Веслянского лесничества в 1929 году. На 15.01.1932 г. имелось 283 хозяйства раскулаченных спецпереселенцев.

8. Пожег, спецпосёлок с 1929 года, в междуречье Малый Пожег и Пожег, в дальнейшем Верх-Пожег. В начале 1930-го года доставили более 200 переселенцев, которые построили себе все здания без единого гвоздя. Воду черпали из реки корабом на колесе, которое вращали тягловой силой. Закрыт перед ВОВ.

9. Усть-Пожег, спецпосёлок, в 8 км ниже от В.-Пожега при впадении в Весляну. Закрыт в 1958 г.

Серебрянский сельсовет:

10. Осиновка, спецпосёлок, определён под строительство в 1929 г. на левом берегу Весляны в окружении болот. На 15.01.1932 г. население составляло 200 семей спецпереселенцев.

11. Сосновка, спецпосёлок. На 15.01.1932 г. – 522 хозяйства раскулаченных спецпереселенцев. Затем немцы и крымские татары.

12. Оныл Сёйвинский, спецпосёлок (не путать с Онылом на реке Оныл), находился на современной территории Серебрянского сельсовета, через него проходила УЖД Сёйва – Сосновка – Оныл, которая не доходила 2 км до озера Адово.

13. Дозовка, спецпосёлок, заложен в 1929 г. в устье ручья Ыжит-Шор при впадении в реку Дозовка. На 15.01.1932 г. – 284 хозяйства переселенцев.

14. Лежнёвка, спецпосёлок ниже с.п. Дозовка по течению речки. Существовал в 1929–1930 годах.

Плесинский сельсовет:

15. Пугвин-Мыс, спецпосёлок. На 15.01.1932 г. – 184 хозяйства, на 1.07.1939 г. – 117 семей, 478 трудпоселенцев, на 1.07.1943 г. – 113 семей, 412 человек. Белорусы, украинцы.

16. Чуртан, спецпосёлок. На 15.01.1932 г. – 205 хозяйств, на 1.07.1939 г. – 118 семей из 470 человек. Белорусы, немцы Поволжья, татары.

17. Монастырь, село. Из спецпереселенцев была создана сельхозколония, а затем сельхозартель. На 1.01.1938 года было 55 хозяйств трудпоселенцев, что составляло 256 человек. Имели избу-читальню.

Шуминский сельсовет:

18. Сосновая, рабочий посёлок. Проживали переселенцы из западных областей СССР, немцы Поволжья и немецкие эмигранты из Германии.

19. Булатовская Старица, населённый пункт. Раскулаченные, затем немцы и белорусы.

20. Шумино (бывшего Аннинского сельсовета), деревня. На 1.01.1938 г. в сельхозартели числилось 20 семей, 87 человек.

Кебратский сельсовет:

21. Шордын, спецпосёлок. На 15.01.1932 г. – 227 хозяйств, на 1.07.1939 г. – 135 семей, 472 трудпоселенца. На 1.07.1943 г. – 131 семья, 442 человека.

21. Пурга, спецпосёлок в 1931 г. Не жилой.

22. Вадорка, спецпосёлок в районе пос. Жемчужный. Не существует.

23. Ягдын, спецпосёлок в начале 1930-х годов. Ниже деревни Мысы в 5-ти километрах. Ныне не существует.

24. Минская Гунна-Дор, спецпосёлок в начале 1930-х годов. Белорусская сельхозартель, занималась хлебопашеством. Не существует.

25. Ужаныя, спецпосёлок, сельхозколония в бывшем Мысовском сельсовете. Не существует.

Даниловский сельсовет:

26. Пономарёвка, спецпосёлок. В 9 км от Гайн в 1924–1925 годах созданы два выселка «Вес» и «Пономарёвка». Напротив Пономарёвки в 1931 г. на реке Петыркушка построен спецпосёлок Пономарёвка на 200 семей с целью «освоения сельхозугодий». На 1.07.1939 г. – 107 семей, 368 трудпоселенцев. Белорусы, украинцы. На 1.07.1943 г. – 93 семьи, 298 человек.

Иванчинский сельсовет:

27. Сергеевский, спецпосёлок. На 15.01.1932 года, совместно с спецпоселением Коврижка Кочёвского района (входили в одну Косинскую спецкомендатуру), насчитывалось 442 хозяйства раскулаченных переселенцев. На 1.07.1939 г. в Сергеевском – 57 семей, 218 человек. На 1.07.1943 г. – 57 семей, 189 «едоков». Комендатура просуществовала в посёлке до 1.07.1951 г. В основном проживали украинцы, белорусы, поляки, литовцы, выселенные из Ростовской области, всего более 30 национальностей.

Кочёвский район.

Маратовский сельсовет:

1. Буждым, (бывший Пуксибский сельсовет) спецпосёлок, образован в 1931 году, на 1.01.1932 г. проживали 531 переселенец, в том числе мужчин – 184, женщин – 179, детей – 208. На 1.07.1939 года – 47 семей, 176 человек, на 1.07.1943 года – 47 семей, 163 трудпоселенца.

2. Усть-Онолва, спецпосёлок, на 15.01.1932 г. имелось 421 хозяйство спецпереселенцев. 14.01.1932 г. У-Онолвинскому посёлку спецпереселенцев были выделены участки земель под сельхозугодья в урочище «Георгиевский посёлок», в урочище «Старая деревня», в урочище «У-Онолва». Из сельхозколонии «Пелымская» выделены селения: выселок «Берёзовка» – 4 хозяйства; выс. «Пахарь» – 4 хоз.; выс. «Мирской Пальник» – 2 хоз. и выс. «Пугырь» – 4 хозяйства. На 1.07.1939 г. было 150 семей, 581 человек, в том числе мужчин – 137, женщин – 191, детей – 253. На 1.07.1943 г. – 148 семей, 537 человек, которые работали в Кочёвском леспромхозе. Проживали литовцы, белорусы, немцы, татары.

Летом 1936 г. комендант Дедов создал детский (переселенческие дети называли «Пионерский») лагерь для кулацких детишек из посёлков спецпереселенцев Кочёвской райкомендатуры.

3. Мараты, спецпосёлок.

Юксеевский сельсовет:

4. Коврижка, первое спецпоселение на территории КПАО 1929-го года, предположительно, со слов переселенцев «второй волны», расположенного возле ямской станции на тракте Кайгород – Юксеево, двухэтажное здание которой в дальнейшем было использовано под школу для кулацких детей. В период голода 1933–1934 годов до осени 34-го из 500 человек в живых осталось 150. В дальнейшем ликвидирован.

5. Велтас, спецпосёлок с 1930 года в 4 км от Юксеево.

6. Серва, деревня, затем рабочий посёлок. С 1945 года проживали литовцы.

7. Станомыс, спецпосёлок с 1930 года. На 1.07.1939 г. – 53 семьи из 166 человек, в т. ч. мужчин – 41, женщин – 63, детей – 62. На 1.07.1943 г. – 50 семей – 138 человек. В посёлке находилась гауптвахта, где содержались штрафники из территорий окружающих комендатур.

Кочёвский сельсовет:

8. Усть-Янчер, (Янчер бывшего Дуровского сельсовета), на 1.07.1939 г. – 111 семей, 406 трудпоселенцев, в т.ч. мужчин – 99, женщин – 129, детей – 178. На 1.07.1943 г. – 110 семей, 372 человека работали в Кочёвском ЛПХ.

Сепольский сельсовет:

9. Красная Курья, спецпосёлок, создан на месте выселка 1920-х годов, на 1.01.1938 г. оставалось 9 семей из 35 человек трудпоселенцев в составе сельхозартели.

Больше-Кочинский сельсовет:

10. Монастырь, деревня. На 1.01.1938 г. имелось общежитие, в котором проживали 7 семей переселенцев, 21 человек, работающих в сельхозартели.

11. Пальник, выселок. На 28.05.1930 года – 60 семейств. 15.03.1931 г. для 60 хозяйств спецпереселенцев были выделены земельные фонды, в том числе:

- усадьба – 0,20 га на хозяйство;
- огород – 0,5 га;
- сенокос – 2,0 га;
- пашня – 0,30 га на едока;
- 1 лошадь на 4 хозяйства.

Семена с огромным трудом завезли весной 1931 г. в ограниченном количестве. Лошадьми и инвентарём не обеспечили.

Пельмский сельсовет:

12. Сельхозколония «Пельмская», определена колонизационной партией НКВД СССР в 1929 году для приёма спецпереселенцев при впадении реки Тихеил в реку Онолву:

- выселок Пахарь, 6 кв.;

- выселок Тихеил, 7 кв.;
- выселок Станомыс (не путать со спецпосёлком Станомыс), 11 кв.

В 1930-м году добавились:

- выселок Берёзовка;
- выселок Мирской Пальник;
- выселок Пугырь.

Сельхозколлония объединяла хозяйства, находившиеся в разных сельсоветах, но в единой райкомендатуре.

Кудымкарский район.

1. **Кудымкар**, посёлок, затем город. Спецпереселенцы проживали с 1929 года. На 15.01.1932 года числилось 85 хозяйств. На 1.01.1932 г. работающих переселенцев по участкам конторы «Уралстройиндустрии» насчитывалось 110 человек, из них практически норму выполняли первоначально 12 человек, из них 2 женщины. Кроме зарплаты они поощрялись промтоварами и денежной премией, а остальным не полагалось и они голодали, при этом имели место смертельные случаи. В сентябре-октябре 1932 г. в Кудымкарской конторе «Гражданстрой» работали в разрезе производственных участков:

- 1-й участок – 47 работников, которые за 2 месяца заработали на человека от 12 до 40 трудодней, белорусы и западные украинцы;
- 2-й участок – 20 переселенцев по 22 трудодня на человека;
- 5-й участок – 49 работников, из них 47 штрафников, за 2 месяца заработали в основном от 4 до 14 трудодней;
- 6-й участок – 7 человек, из них 5 прогульщиков;
- Подсобное предприятие – 7 человек по 42 трудодня;
- Хозчасть – 22 человека по 43 трудодня.

На 1.07.1939 г. в городе проживали 15 семей закреплённых за Юрлинским ЛПХ, а на 1.07.1943 года – 21 семья, 59 человек.

Белоевский сельсовет:

2. Белоево, село (райцентр), на 1.07.1943 года за Белоевским домом инвалидов было закреплено 498 трудпоселенцев, 742 человека.

Велвинский сельсовет:

3. Третий Посёлок трудпоселенцев. На 1.01.1938 г. оставалось 8 семей, 29 человек.

4. Четвёртый Посёлок трудпоселенцев. На 1.01.1938 г. оставалось 3 семьи, 14 человек, проживали в рабочих бараках.

5. Изьяшерские бараки, на 1.01.1938 г. – 5 семей, 13 человек.

6. Савина, деревня, в период ВОВ центральная контора Эрнского ЛПХ. Проживали украинцы, белорусы, затем литовцы.

7. Беляево (Беляй), деревня, граница Кудымкарского и Юсьвинского районов проходила по середине этого населённого пункта, бывшего лесопункта Велвинского ЛПХ, проживали украинцы, белорусы, литовцы. В настоящее время нежилой, территория принадлежит Юсьвинскому району.

8. Велва-База, посёлок, в 1935 г. лесопункт Кудымкарского ЛПХ, где работали наряду с местным населением спецпереселенцы. В 1946 г. работало

около 150 «оуновцев», нормы выработки почти никто не выполнял. В 1949 г. – контора ЛПХ в В.-Базе, спецпоселенцы литовцы и «оуновцы» жили в бараках на правом берегу возле моста, разделённых на комнаты дощатыми перегородками. В каждой комнате по 2 – 3 семьи от 3 до 9 человек.

9. Галяшер, спецпосёлок (не путать с д. Галяшер Юсьвинского р-на). Лесопункт Велвинского ЛПХ, украинцы, белорусы, литовцы. Ликвидирован в конце 1990-х годов.

10. Шарволь, деревня, затем лесопункт и рабочий посёлок. Проживали украинцы, литовцы.

Ошибский сельсовет:

11. Лямпино, спецпосёлок в районе д. Петухово по соседству с Юрлинским районом.

Эрнский сельсовет:

12. Эрна, спецпосёлок, вначале лесопункт, затем отдельный Эрнский ЛПХ. В 1946 году в бараках проживали около 150 «оуновцев», нормы выработки не выполняли, вели полуголодное существование. Проживали литовцы, белорусы.

13. Тышор, спецпосёлок, на правом берегу Велвы перед мостом в Эрну. Проживали белорусы, литовцы, «оуновцы». Закрыт в 1977 г.

Самковский сельсовет:

14. Берёзовка, рабочий посёлок возле села Самково, контора Самковского ЛПХ, возводили местные рабочие Кудымкарского ЛПХ со спецпереселенцами.

15. Весёлый-Мыс, спецпосёлок.

16. Верх-Буждом, посёлок. По устным сведениям проживали спецпереселенцы.

17. Кувинский, спецпосёлок.

18. Таскаева, деревня, лесопункт. На 31.12.1951 г. работало 39 поселенцев из Горьковской, Рязанской областей и Татарии, зарплата на одного работающего переселенца с апреля по декабрь 1951 года составляла от 147 рублей у прогульщиков, до 7612 рублей у передовиков.

19. Пограничный, спецпосёлок.

Дёминский сельсовет:

20. Визяй, деревня, лесозаготовительный участок, нижний склад с трелёвкой на конной тяге, затем тракторная база, трелевали и вывозили лес на реке Полва. В 1935 г. – лесопункт Кудымкарского ЛПХ, спецпереселенцы и промпереселенцы.

ДИСЛОКАЦИЯ

мест деятельности репатриированных красноармейцев и отдельных батальонов трудармейцев в 1945–1947 годах.

Юсьвинский район.

1. Батальон репатриантов из числа бывших военнопленных красноармейцев базировался возле Малой забойки Майкорского металлургического завода в 1945–1947 годах, первоначально под конвоем, затем расконвоированные. Работали на углежжении. Местное население называло их «власовцами».

2. Деревня Соболево Крохалёвского сельсовета. В ноябре 1945 года прибыла рота трудармейцев для работы в Крохалёвском ЛПХ. Проживали в бараках.

3. Деревня Агишево и спецпосёлок Агишево – рота трудармейцев для Крохалёвского ЛПХ.

4. Посёлок Кама. В 1945–1947 годах дислоцировался батальон репатриированных бойцов с подразделениями в лесопунктах Пожвинского ЛПХ. Отдельная рота стояла в пос. Тузим, имела казарму барачного типа.

5. Пос. Тукачёво. В 1945 году находилась рота трудармейцев, проживали в бараке, который сгорел. Погиб один человек. Рота репатриантов до 1947 г.

6. Дер. Городище на Каме. В 1947 г. находилась рота репатриантов. Занимались подготовкой к сплаву.

7. Пос. Первомайский – рота репатриантов в 1945 году, затем ещё одна в 1946 году.

8. Пос. В-Куча, бывшие пленные красноармейцы-репатрианты.

9. Пос. Купрос-Волок (Купрос-Романшерский лесоучасток), репатрианты.

Юрлинский район.

1. Отдельный батальон трудармейцев из числа немцев Поволжья в количестве 327 человек зачислен с 12.10.1945 г. «рабочими постоянного кадра» по лесопунктам Юрлинского леспромхоза (ПР. № 159 от 17.10.1945 г.):

– В.-Коса – 164;

– Сюрол – 56;

– Кирьяново – 47;

– Лопан – 53;

– Юрла, управление – 7, из них 2 ординарца при штабе батальона.

Офицеры состояли при батальоне, им выплачивалось денежное и продуктивное довольствие. После 10.11.1945 г. ещё прибыло 100 трудармейцев.

2. Репатрианты проживали с ноября 1945 года в бараках лесных посёлков:

– Кирьяновка, Усть-Пышья Юрлинского леспромхоза:

– Верх-Коса, Усть-Берёзовка, Сюзьва Верх-Косинского леспромхоза.

Гайнский район.

1. Пос. Усть-Чёрная. В 1946 г. находилась рота трудармейцев, проводили строительные работы в леспромхозе. В этом же году этапировано более 80 «власовцев», работали расконвоированными.

2. Пос. Дедовка. В 1946 г. рота трудармейцев около 100 бойцов вели строительные работы. Население посёлка вместе с ссыльными составляло около 600 человек. Построены 8-я школа, клуб, детсад, столовая, 2 магазина. Лесопункт Гайнского леспромхоза.

3. Пос. Керос. Рота ОСБ трудармейцев состояла из узбеков, туркмен, казахов, украинцев, русских. 1946–1947 г.г.

4. Пос. Сергеевский. В 1945-1947 годах находилась рота репатрированных красноармейцев, освобождённых из немецких концлагерей.

Кочёвский район.

1. Усть-Силайка, деревня. С 1945 г. рота репатриантов из числа пленных красноармейцев.

2. Кочёво, село. При Кочевском ЛПХ с 1945 года находился батальон репатриантов с дислокацией рот по лесопунктам по 1947 год.

Косинский район.

1. Коса, село. В Косинский ЛПХ в 1945 году поступил батальон репатриантов с дислокацией рот по лесопунктам по 1947 год.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящая карта с описанием населённых пунктов мест проживания и жизнедеятельности переселенцев и спецконтингента на территории Коми-Пермяцкого автономного (национального) округа составлена со слов и воспоминаний очевидцев, а также их потомков, людей знавших и работавших в бывших посёлках переселенцев, служивших в системе НКВД-МВД СССР и России. Используются архивные документы, научные и литературные труды.

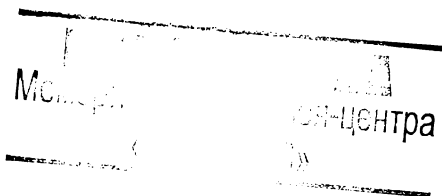
Карта является на данный период наиболее полной в подобном исследовании, однако нуждается в доработке, так как со временем многое утеряно и забыто, возможны ошибки, неточности и упущения. Всё это предоставляет возможность шире продолжить дальнейшие исследования о местах проживания жертв политических репрессий в Советском Союзе на территории нашего округа. Данная работа имеет достаточно узкое направление и преследует единственную цель – география поселений и мест нахождения спецконтингента.

В работе оказали содействие:

1. Куделко Иван Поликарпович – житель посёлка Гайны.
2. Исаев Лазарь Анисимович – Усть-Чёрная.
3. Шарко Лидия Ивановна – У.-Чёрная.
4. Нечиперович Александр Александрович – Сергеевский.
5. Солодянкин Николай Карпович – Кудымкар.
6. Яковкин Виктор Николаевич – Кудымкар.
7. Седегов Виктор Николаевич – Кудымкар.
8. Салов Николай Васильевич – Кудымкар.
9. Власов Сергей Михайлович – Кудымкар.
10. Бакуто Геннадий Алексеевич – Кудымкар.
11. Савощик Леонид Дмитриевич – Кудымкар.
12. Колотилова Октябрина Викторовна – Юксево.
13. Федосеев Николай Константинович – Коса.
14. Мартынов Михаил Фёдорович – Коса.
15. Останин Валерий Игнатьевич – Юсьва.
16. Лавриненко Николай Алексеевич – Пожва.
17. Тюнёв Александр Михайлович – Майкор.
18. Савельев Павел Михайлович – Юсьва.
19. Черемных Анатолий Пантелеймонович – Юсьва.
20. Крутиков Пётр Васильевич – Пожва.

Источники и литература:

1. Архив ГУВД Пермской области, ф. 21, оп. 1, д. 9, л.л. 75-81.
2. КПОГА, ф. 102, оп. 1, д. 2, л. 1.
3. КПОГА, ф. 17, оп. 2, д. 9, л.л. 2-20.
4. КПОГА, ф. 24, оп. 2, д. 12, л. 5.
5. КПОГА, ф. 102, оп. 1, д. 17, л.л. 39, 150, 151.
6. КПОГА, ф. 50, оп. 1, д. 131, л. 103.
7. КПОГА, ф. 40, оп. 1, д. 86, л.л. 2, 36-38, 40, 56, 59.
8. КПОГА, ф. 40, оп. 1, д. 106, л. 4.
9. КПОГА, ф. 40, оп. 1, д. 97, л.л. 5, 7.
10. КПОГА, ф. 40, оп. 1, д. 98, л.л. 6-8, 11, 16, 18, 21, 25, 30.
11. КПОГА, ф. 20, оп. 1, д. 311, л.л. 32, 33.
12. КПОГА, ф. 20, оп. 1, д. 269, л.л. 4, 8, 12, 14, 40.
13. КПОГА, ф. 40, оп. 1, д. 101, приложение – выкопировка земельных участков.
14. КПОГА, ф. 20, оп. 1, д. 280, л.л. 7, 24, 26, 28, 29, 30.
15. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953). Монография. Екатеринбург – Пермь, 2003 г.
16. Коньшин А. Е. Спецпосёлки (или к вопросу о трудовом перевоспитании бывших кулаков). Наш край. Вып. 7, Пермь, 1995.
17. Бахматов А. А. Память: Историко-документальная хроника Юрлинского района. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во. 1999.

Спецпоселение Смагино (п. Усть-Черная), 1933 год

*Спецпоселение Пожег Гайнского района в годы
Великой Отечественной войны.*

Из фондов Коми-Пермяцкого окружного государственного музея.

***Места
расселения и трудоустройства
спецконтингента на территории
Коми-Пермяцкого округа
1929-1954 гг.***

(статьи, описание карты-схемы, воспоминания)

Часть вторая.

Следы бывшего "социализма". Спецпоселок Верх-Дозовка Гайнского района

Фото Климова В. А., 2004 год

Ссылка и места заключения на современной территории Коми-Пермяцкого автономного округа 1929–1954 гг.

(Сокращенный вариант).

В каждом государстве, на всех этапах его развития, основной жизнедеятельной функцией является обеспечение внутренней безопасности, наряду с безопасностью внешней. Это означает принуждение собственного народа к исполнению правовых велений, осуществляемых самим государством, а если говорить конкретнее, то его органами управления.

В России с собственным народом, начиная от Рюрика и княгини Ольги по сегодняшний день, считается не привыкли, объявляя при этом, что подавление волеизъявления части населения и его физического уничтожения является волею народною.

Организация проведения репрессий к части населения присуща многим государствам, а вот политический террор против собственного народа в Европе за весь период её существования никогда не достигнет тех масштабов, которые были организованы в бывшем СССР в двадцатые, тридцатые годы прошлого столетия. Государство новой исторической формации от уничтожения контрреволюционеров перешло к уничтожению самих революционеров и ни в чём не повинных людей. При этом использовались не только правовые, но и различные силовые методы антиконституционного характера, включая расстрел, заключение, ссылку и высылку.

Урал, Пермская губерния и пермяцкие волости являлись местом проживания ссыльных задолго до 1917 года.

При Советской власти, после завершения Гражданской войны, ВЦИК РСФСР 10 августа 1922 года, решив освободить народные суды от излишней нагрузки по вопросам административного законодательства, создал Особое Совещание при НКВД с правом адмвысылки сроком на три года в районы, утверждённые Президиумом ВЦИК, а затем это право было передано ОГПУ. Так наш Коми-Пермяцкий край был утверждён в этом плане в составе Верхне-Камского округа. Таким образом, начиная с 1923 года, к нам начали прибывать бывшие социал-демократы, а также представители других партий, дворянства, духовенства из Центральных областей СССР. Это удалось проследить по отдельным уголовным делам имеющимся в нашем архиве и музее. Самым знаменитым из них был священномученик Онуфрий Архиепископ Курский и Обоянский, проживавший в Кудымкаре с 1926 по 1928 год, когда он был снова арестован и отправлен в Тобольск¹.

К 1929 году, когда округ был уже определён зоной приёма трёх тысяч семей кулаков из западных областей Украины и Белоруссии, у нас проживало 2,5 тысячи административно-высланных и ссыльных. В августе 1929 года началось выделение земель под строительство спецпосёлков и создание сельхозколоний на территории Гайнского и Косинского районов под руководством руководителей райисполкомов с участием сотрудников ОГПУ, спецкомендантов будущих поселений, работников окружного и районных земотделов, руководителей ЛПХ. Составлены все необходимые документы по строительству жилья, вырубке лесов под поселки, заводу

инвентаря, всё это было возложено на местные органы власти и управления. В итоге построили несколько домов, вырубili несколько гектар леса силами местного населения, не завезли ни инструмент, ни стройматериалы². Таков наш отечественный менталитет. И так на протяжении всего времени до 1941 года.

Нужно рассматривать этот вопрос в комплексе, а не только политической плоскости, как это делают наши псевдодемократы, совместно в правовом и экономическом аспектах. Документы говорят однозначно, что в округе должны были выстроить посёлки, а фактически даже земли отводились после прибытия переселенцев – отсюда высокая смертность.

Сталинский режим действительно обрек часть абсолютно невинных людей на медленную смерть от голода, изнурительного труда и отсутствия крыши над головой и в этом страшная трагедия нашего народа. Но не надо забывать, хотя мы и отрицаем, что скрытая гражданская война продолжалась и при этом происходило взаимоистребление. За период коллективизации были убиты 30 тысяч партийных, советских, комсомольских активистов, председателей колхозов. В среднем это 100 человек в день по стране³. Если сегодня представить подобное отношение к российским чиновникам, то комментарий излишни. В округе погибли не один десяток человек из наших активистов, а убийца, даже самый благородный, всегда является преступником. И здесь у нас люди проклинали убийц. Коммунистический тоталитарный режим осуждён, но среди заключённых в ГУЛАГе и высланных было множество преступников, из-за них пострадали невинные люди.

Вот эти настоящие и мнимые враги Советского государства с семьями, полуголодные, прибывая в округ призывали не работать и не строить жильё, а жить во временных землянках⁴. В первую же зиму вымерли сотни человек, в итоге руководители ОГПУ – А. А. Тэнис и милиции - И. И. Мануйлов, зная, что сами пойдут под суд добились проведения закрытого заседания президиума КПО (протокол № 66 от 14.09.1930 г.)⁵. На следующую зиму всё осталось по старому, но детей стали отбирать от родителей и передавать крестьянам в деревни, а весной возвращать.

Действительно ОГПУ и многие подразделения НКВД – ужасный государственный механизм, однако РО НКВД организовали в целом по округу 10 детских домов, так как родители погибли в тайге и болотах нашей Пармы, а областное народное образование самоустранилось от решения этого вопроса.

В мае 1931 года только в двух леспромхозах Гайнском и Косинском были расселены 1470 семей. Население округа резко повысилось. Например в Косинском районе к 1932 году уже находилось 5774 человека из числа спецпереселенцев⁶. А в целом по округу их количество составило более 30 тысяч⁷.

Голод 1933–1934 годов унёс жизни тысяч человек и после обследования спецпосёлков округа правительственной комиссией, часть переселенцев переведена на стройки гг. Березники, Соликамск, Красновишерск.

В 1936, 1939, 1940 годах в округ прибывали новые отряды трудпоселенцев из числа поляков, литовцев, молдаван, белорусов, украинцев,

русских. В течение ВОВ поступили сотни немцев, крымских татар, а после войны, ОУНовцев, «власовцев», ингушей, казанских татар.

Нужно отдать должное: большая заслуга в развитии лесной промышленности округа принадлежит людям из числа переселенцев. Они создали лесные посёлки и именно они начали осваивать различные технические усовершенствования и новую технику. А самое главное – они внесли в быт Коми-Пермяцкого населения элементы европейской культуры.

После смерти И. В. Сталина к концу 1950-х годов, постепенно, высланные начали освобождаться, получать паспорта и выезжать из округа, хотя многие остались.

А теперь конкретно о предмете разговора. При внимательном изучении истории политического террора в СССР с высланием его жертв и в наш округ, выявлено, что в каждом районе звучат наименования не более десятка спецпоселений и даже менее, в которых не смогли бы физически расселить 30 тысяч человек, что и заставило задуматься окружной совет общества «Мемориал» и провести кропотливую аналитическую работу по определению мест проживания различного спецконтингента, включая лагеря и колонии заключенных, а также дислокацию отдельных батальонов «трудармейцев» и репатрированных военнослужащих РККА.

На сегодня эта карта составлена в разрезе всех сельсоветов округа с кратким описанием населенных пунктов, она является наиболее полной, так как единственная, но требует тщательной доработки. Многое утеряно и забыто, возможны ошибки, заметны наши упущения. Всё это предоставляет возможность шире продолжить дальнейшие исследования. Работа имеет узкое направление и преследует единственную цель – география поселений и мест нахождения спецконтингента.

Как известно, округ расположен на северо-западе Пермской области, в излучине реки Кама, в междуречьях её притоков и в тот период повсеместно был покрыт лесами. Бытует мнение, что спецпоселенцев ссылали в болотистые и лесистые места для полного истребления. Это абсолютно неверно. Все они этапировались в городскую и сельскую местность для создания нового производства, в основном в труднодоступных для населения регионах, каковым являлся и округ. Малолюдные северные районы нуждались в дополнительной рабочей силе и они её получили за счёт жертв политического террора в неограниченном количестве. В результате человеческой трагедии Коми-Пермяцкий край должен был получить своё возрождение.

Административное деление округа неоднократно изменялось. И районы и сельсоветы по решениям властей переносили свои границы. В настоящее время в округе 6 районов и один город Кудымкар – окружной центр. Районы, в свою очередь, разделены на 76 сельсоветов, на территории которых удалось установить 113 мест дислокации специальных и трудовых переселенцев, без учёта административновысланных в 20-е и 60-е годы прошлого столетия. Однако, эти цифры условны. Так как например, сельхозколония «Пельмская» в Кочёвском районе, была определена колонизационной партией НКВД СССР в 1929 году для приёма спецпереселенцев на шести выселках, а это шесть населённых пунктов, в разных сельсоветах, но объединённые одной организационной структурой и

одной Кочёвской райкомендатурой, поэтому в нашем учёте считается как единое производственное спецпоселение⁸. Учитывая лесопункты леспромхозов, мы не стали брать во внимание временное проживание на мастерских и бригадных участках, которых было множество.

Первые спецпереселенцы поступили в Кочёвский район, в котором было создано спецпоселение «Коврижка», оставившее самую зловещую память о себе среди местного населения. Оно, было создано уже на обжитом участке бывшей дореволюционной ямской станции по тракту Кайгород-Юкеево, двухэтажное здание которой в дальнейшем было использовано под школу для кулацких детей. Песчаные и болотистые почвы не позволяли заниматься земледелием. Молодой спецкомандант Михаил Кривощёков с огромным трудом выбивал из райисполкома и райпотребщества каждый килограмм муки, когда начался голод нашёл несколько коров и покос за 20 км. от поселения, где заготавливали сено, только чтобы спасти детей, заготавливали ягоды и грибы, но ничего не помогло. В зиму 1933–1934 года из 500 человек, к осени осталось в живых 150, ели собак, кошек, крыс, павших животных⁹. Местное коми-пермяцкое население сами ели хлеб из осинового коры. Всего на территории этого района находились 12 крупных спецпоселений. Из которых 10 занимались лесозаготовками и две сельхозколонии.

В соседнем Косинском районе учли 8 крупных лесопромышленных спецпосёлков, образованных в начале 1930-х годов, таких, как пос. Сосновка, где на конец 1931 года проживали 1876 человек из числа раскулаченных спецпереселенцев. В спецпосёлке Солым в это же время проживало 1212 человек, из них 335 детей, в посёлках Становоль, Усть-Коколь и других в среднем по 500 человек в каждом. «Для жизнеобеспечения спец-переселенческая семья могла иметь 0,15 га огорода, 2 га сенокосов, 0,3 га пашни, но таких площадей просто не было, так как спецпосёлки располагались на островах суши в окружении болот. В 1930 г. были завезены семена: 90 тонн овса, 30 тонн ячменя, 7,5 центнеров огородных культур, 7 центнеров лука-севка, а также инвентарь: лопаты, телеги, бороны, косы, серпы и др. за наличный расчёт»¹⁰. Поэтому во всех районах появилась первая возможность выживания за счёт подсобного хозяйства. Совнарком СССР в 1931 году разрешил создавать неуставные сельхозартели. Весной 1932 года в Усть-Кокколе создана сельхозколония из 229 семей, просуществовала до конца 1940-х годов.

Северный Гайнский район не отличается особо жёстким климатом, но почти полное бездорожье, отсутствие людей, непроходимые болота и тайга делали пребывание там первых спецпереселенцев наиболее трудным. Пока установлено 27 крупных поселений. Наиболее известными являются Ельдор и Керос, из них Ельдор определен под строительство в 1929 году на р.Чатма. Первыми прибыли поляки более 200 человек, осваивавших новое поселение, однако их физическая выносливость в сравнении с русскими и украинцами оказалась наиболее слабой, через год половина из них скончались. В последствии из спецпосёлка Ельдор был реформирован в пересыльный пункт на пути этапирования в Коми АССР и обратно в спецпоселения и лагерные пункты в Гайнском районе. Керос так же создан в октябре 1929 года и на его строительство сразу же прибыли белорусы и

поляки из западных областей страны. В поселке была единственная столовая на все поселения округа в 1931 г. В последствии в поселке кроме русского населения проживали немцы, крымские татары, литовцы, которые сделали свою новую родину лучшим поселком лесозаготовителей.

По соседству в Усть-Черновском сельсовете находились уже 7 спецпоселений и, что следует отметить, с высокой культурой строительства всех объектов производства и жилья. Гайнские спецпереселенцы в глубокой тайге занимались не только лесозаготовками, но и выращивали зерновые культуры, огурцы, помидоры, о чем поведали их дети.

В Юрлинском районе находилось 12 спецпоселений также занимавшихся разработкой лесов. Наибольшее количество поляков – осадников из Львовского и Люблинского воеводств поднимали экономику на данной территории. Кроме них украинцы, литовцы, русские, поступившие до начала ВОВ. На 1 мая 1941 года в районе в поселках Липово, Сюзьва, Конанов Бор, Лопан, Нижний Бор, Верхний Бор трудились и проживали 508 семей из 2451 человека польской национальности¹¹, основная часть мужского населения из числа которых ушла служить в 1-ю польскую дивизию имени Тадеуша Костюшко.

В Кудымкарском районе часть переселенцев трудилась в поселке Кудымкар (затем город) на участках конторы «Уралстройиндустрия». В с. Белоево, в то время являвшемся райцентром одноимённого района, за домом инвалидов бывало закреплено в 30-е годы до 500 трудпоселенцев, а в 1943 г. – 742 человека.

Восемь спецпоселений установлено в Велвинском сельсовете, построенных белорусами, украинцами, поляками и литовцами, работавшими в Кудымкарском ЛПХ, затем созданном Эрнском и Велвинском леспромхозах. Другой центр лесозаготовок силами спецпереселенцев – это Самковский ЛПХ, на территории одноименного сельсовета имелось шесть спецпоселений, в которых проживали до 1950-х годов.

В самом южном Юсьвинском районе удалось установить 35 спецпоселений, но это не полный перечень, с учетом ранее имевшихся сел и деревень на базе которых организовывались поселения. Поселки нынешнего Камского сельсовета, за исключением деревни Городище, полностью построены спецпереселенцами, в частности посёлки Кама, Тузим, Пожёвка. Они заготавливали древесину для Мотовилихинского пушечного завода.

В пос. Майкор на углежжении металлургического завода трудилось на 1.06.1939 г. 940 человек ссыльных, с учетом несовершеннолетних. В 5-ти км. от Майкора в 1929 году создан спецпоселок Горки по заготовке древесины и обслуживанию металлургического завода.

Современная территория Тукачёвского сельсовета с населенными пунктами полностью в 1930-е годы освоена спецпереселенцами всех национальностей. Именно они создали посёлки Тукачёво, Лебедага, Комсомольский и другие.

В небольшом Купросском сельсовете было 7 поселений. Особенностью Юсьвинского района является то, что здесь вопреки запретам, из-за высокой смертности в северных районах переселенцев было завезено сверх плана и их расселяли по деревням, что спасло людям жизни, хотя местное население

и противилось этому. Позднее возле сел и деревень построили рабочие бараки и жилые дома, куда они перешли жить.

Кроме этого, в Пожвинском поссовете находились три лагерных отделения «Усоллага» (Усоляг) и в конце ВОВ лагерь немецких военнопленных. Три батальона репатриированных бойцов Красной армии работали в Майкоре, Пожве и Камском Городище. В других районах округа было по одному.

В Гайнском районе была создана целая сеть лагерных пунктов и отделений «Ныроблага», «Усоллага» и «Вятлага» в количестве более десяти подразделений.

Таково краткое описание карты мест расселения спецконтингента в Коми-Пермяцком автономном округе в период политрепрессий в Советском Союзе.

**Г. Гудовщиков. А. Кривощёков.
21. 06. 2005 года**

Примечания.

1. Житие священномученика Онуфрия. Интернет.
2. КПОГА. Фонд 40, опись 1, дело 106;
Ф. 40, оп.1, д. 97;
Ф. 40, оп.1, д. 98;
Ф. 40, оп.1, д. 101;
3. Тряхов В. Н. ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. – Пермь: Издательство «Пушка», 2005, с.10.
4. КПОГА Ф. 40, оп. 1, д. 86, л. л. 36–38.
5. Там же.
6. Косинский райархив. Ф. 3, оп. 1, д. 3. (не пронумеровано).
7. Коньшин А. Е. Спецпоселки. Наш край. 1995 № 7, с. 21.
8. КПОГА Ф. 40, оп. 1, д. 106, л. 4.
9. Коньшин А. Е. История коми-пермяцкого крестьянства 1917–1940 гг.; Монография. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2004, с.165.
10. Там же, с.164.
11. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) Монография. Екатеринбург – Пермь 2003, с. 356.

ДОПОЛНЕНИЕ

к дислокации мест расселения ссыльнопереселенцев и иного спецконтингента на территории Коми-Пермяцкого округа 1929–1954 гг.

Кудымкар и Кудымкарский район.

1. Кудымкар, посёлок, затем город. Окружной и районный центр. После 1923 года проживали административно-высланные бывшие социал-демократы (меньшевики) и социалисты-революционеры (эсеры) из центральных и южно-русских областей и Закавказья.

В 1933–1938 годах проживали немцы – уроженцы Германии, Поволжья и Киевской области.

Русские спецпереселенцы и ссыльные из Крымской АССР, Саратовской области, Одессы, Новороссийска и Воронежа в 1933–1938 годах. Из Рязанской области в 1932 году.

Евреи из Волынской области в 1932 году. Поляки и белорусы из Витебска и Могилёвской области в 1936–1938 годах. Поляки и украинцы из Винницкой области в 1937 году, а также из Гродненской области. Поляки из Литвы в 1940 году, литовцы из Литвы в 1952 году. Данный спецконтингент проживал на территории Кудымкара и окрестных деревень небольшими группами с 1927 года до Великой Отечественной войны, а отдельные до конца 1950-х годов.

Имеются данные о двух китайцах – уроженцах провинции Шаньдун, Китай, в 1937–1938 годах они оба обвинены в шпионаже.

Евреи, грузины, армяне – социал-демократы (меньшевики) в 1927–1933 годах. Многие работали в сфере обслуживания.

2. Велва, посёлок. В отдельных источниках наименование Велва, в других Велва-База. На начало 1941 года проживало 247 спецпереселенцев.

3. Визай, деревня. В следственных документах поселок. На начало 1941 года 183 спецпереселенца. В 1940–1941 годах поляки из Тернопольской области УССР. В 1951 году ещё проживали литовцы из Литвы.

4. Климова, деревня. Высланные меньшевики еврейской, грузинской национальности из Грузии в 1927–1931 годах. Ссыльные из Куйбышевской области в 1937 году.

5. Завьялово, деревня. Поляки из Белостокской области в 1942 году, уроженцы Польши.

6. Голяшор, деревня бывшего Белоевского района. В 1941 году поляки Бережанского района, Тернопольской области.

7. Пешнигорт, село. В 1934 году белорусы из Могилёвской области.

8. Самчики, деревня бывшего Белоевского района. В 1943 году проживали поляки из Польши.

9. Степанова, село. В 1932 году ссыльные из РСФСР, возможно меньшевики Закавказья.

10. Ёгва, село. Спецпереселенцы из Краснодарского края. В 1937 году работали на Ёгвинской лесотракторной базе.

11. Малая Серва, деревня. Социал-демократы (меньшевики) из Грузии 1927–1931 годах.

Юсьвинский район.

1. Усть-Пожва, деревня, речной пассажирский и грузовой порт на реке Кама. Белорусы из Витебской области и ленинградцы в 1938 году, украинцы из Львовской области в 1950 году. Кроме того, лагпункт управления «Усоллаг» в 1932–1944 и 1946–1954 годах. Политзаключённых после ВОВ не было, только уголовный элемент. В 1944–1946 годах лагпункт с двумястами военнопленных немцев лагеря № 207.

2. Дублёново, спецпосёлок. В 1951 году литовцы из Вильнюсской области (так в документах).

Юрлинский район.

1. Липово, (пос. Липовский) спецпосёлок. На начало 1941 года проживало 165 спецпереселенцев. В 1940 году поляки Дрогобычской области УССР. В 1941 году поляки Любельского уезда и Львовского воеводства Польши.

2. Юм, село. В 1940–1942 годах поляки из Краковского воеводства.

3. Липова (Липово), деревня. В 1941 году поляки из Бобркского района Львовской области.

Необходимое пояснение: в Польше имело место Львовское воеводство, спустя некоторое время после присоединения переименованное в область УССР, поэтому разночтения. Аналогично с Прибалтикой и Западной Белоруссией.

4. Лопан, спецпосёлок. На начало 1941 года проживали 364 спецпереселенца.

5. Сюрол, деревня. На начало 1941 года на лесоучастке проживало 265 спецпереселенцев, который видимо необходимо считать спецпоселением.

6. Чус, посёлок (возможно специальный). На начало 1941 года проживали 264 спецпереселенца. В 1940 году поляки из Польши, в том числе из Краковского воеводства.

7. Касаткино, деревня. В 1938 году белорусы из Витебской области.

8. Сюзьва, спецпосёлок. На начало 1941 года проживали 427 спецпереселенцев, в том числе поляки из Тернопольской области УССР.

9. Верх-Коса, посёлок (рабочий). В 1946 году украинцы из Днепропетровской области. В этом же году здесь дислоцировались бывшие «власовцы», трудившиеся в леспромхозе до конца 1950-х годов.

10. Елога, деревня. В 1937 году русские спецпереселенцы из Татарии.

11. Усть-Пышья, спецпосёлок. В 1940–1941 годах поляки Кольбушевского района Краковского воеводства. (Так в выписке из документов).

Кочёвский район.

1. Усть-Онолва, спецпосёлок. В 1937 году белорусы из Мозырского округа. В 1934–1937 годах латыши из Витебской области, в 1932 году белорусы из Житковского и Оршанского районов Витебской и Минской областей. В 1938 году поляки из Минской и Могилёвской областей, в 1940 году из Польши. В 1945 году Крымские татары из Карасу-Базара (Белогорска, Крымской).

2. Янчер (Усть-Янчер), спецпосёлок. В 1933 году белорусы из Любанского района. В 1937 году латыши из Освейского района БССР, русские

из Ростовской области, белорусы из Туровского района Гомельской области, поляки из Оршанского района Белоруссии, белорусы и поляки из Витебской области, поляки из Осиповичского района Могилёвской области и Пуховичского района Минской области. В 1940 году поляки из Львовского воеводства.

3. Сянор, спецпосёлок. Иных данных нет.

4. Петухово, деревня. В 1932 году белорусы из Стародорожского и Калинковичского районов Минской области.

5. Большой-Пальник, деревня. В 1930 году белорусы Любанского района Минской области и Глузского района Бобруйского округа.

6. Митька, спецпосёлок. В 1933–1937 годах жили белорусы и латыши из Витебского округа.

7. Станомыс, спецпосёлок. В 1932–1942 годах проживали русские из Ростовской области. В 1932–1933 годах белорусы и поляки из Глузского района Могилёвской области и Регицкого района БССР. В 1937 году поляки Логойского района Минской области.

8. Кочёво, село, райцентр. Поляки из Минской области в 1938 году.

Косинский район.

1. Шудья, спецпосёлок. На начало 1941 года жили 117 спецпереселенцев.

2. Лоч-Сай (Лочь-Сай), спецпосёлок. На начало 1941 года 141 спецпереселенец. В 1931 году поляки и белорусы из Плещеницкого района Минской области. В 1937 году белорусы из Горецкого района БССР и поляки из Дзержинского района Минской области.

3. Бачманово, деревня. В 1930 году белорусы из Червенского района Минской области.

4. Усть-Коколь, спецпосёлок. В 1932 году белорусы Борщёвского района Оршанского округа БССР. В 1937 году поляки Дриссенского района Витебской области. В 1938 году поляки и белорусы из Минской, Витебской, Полесской областей. В 1937 году поляки и украинцы из Хмельницкой области.

5. Сосновка, спецпосёлок. На начало 1941 года 100 спецпереселенцев, в том числе поляки Краковского воеводства, Польша. Украинцы и поляки Чортковского района Тернопольской области, УССР. В 1944 году крымские татары из Карасу-Базара. В 1948 году украинцы из Тернопольской области.

6. Сольм (Салым), спецпосёлок. В 1937 году проживали поляки и немцы из Гомеля, евреи из города Червень, БССР, белорусы из Витебской области.

7. Бать-Пашня (допускалось написание Бать Пашня и Бадь-Пашня), спецпосёлок. В 1930–1931 году белорусы и поляки из Минского округа. В 1932 году поляки из Зеловенского района БССР. В 1937 году белорусы, поляки, латыши из Могилёвской области.

8. Буждым, спецпосёлок. На начало 1941 года 153 спецпереселенца. В 1937 году поляки из Червенского и Старобинского районов Минской области, русские из Ростовской области.

9. Пуксиб, деревня. Украинцы из Тернопольской области в 1943 году.

10. Петровский, спецпосёлок. В 1937 году спецпереселенцы из Краснодарского края.

11. Белая Пашня, деревня. Спецпереселенцы из Могилёва.

12. Кордон, посёлок (возможно специальный). В 1937 году белорусы из Гомеля, поляки из Минской области, латыши уроженцы Волыни. В 1941 году украинцы и поляки Тернопольской области, из них украинцы до 1948 года. Крымские татары из Карасу-Базара в 1944 году.

13. Одань, спецпосёлок. В 1937 году поляки из Гомельской области, Червенского района Минской области. Украинцы, белорусы и поляки из Ворошиловградской области УССР. Русские из Ростовской области.

14. Коса, село, райцентр. В 1931 году спецпереселенцы из Киевской области. В 1937 году украинцы и греки из Мариупольского района Сталинской области УССР. В 1938 году поляки из Гомельской области.

Гайнский район.

1. Гайны, село, затем рабочий посёлок, райцентр. В 1935 году татары Чистопольского района ТАССР.

2. Керос, спецпосёлок. В 1935 году поляки Суражского района Витебского округа. Поляки Лельчицкого района Минской области в 1937 году. Белорусы и поляки из Гомельской и Могилёвской областей в 1936–1937 годах.

3. Ломовка, спецпосёлок. На начало 1941 года 13 спецпереселенцев.

4. Захаровка, деревня. В 1930 году поляки из Минского округа.

5. Мазунино, деревня. Поляки Острожецко-Городецкого района БССР в 1930 году.

6. Сергеевский, спецпосёлок. В 1933 году русские, поляки и белорусы из Минского округа, украинцы из Донецкой области. В 1936 году русские из Северо-Кавказского края.

7. Лаимшер, спецпосёлок. На начало 1941 года 117 спецпереселенцев.

8. Верх-Весляна, спецпосёлок. На начало 1941 года 14 спецпереселенцев.

9. Смагино, спецпосёлок. В 1937 году русские из Чкаловской (Оренбургской), Куйбышевской областей. В 1943 году литовцы из Лиозненского района Витебской области, украинцы из Полтавской, Днепропетровской областей.

10. Усть-Дозовка, спецпосёлок. На начало 1941 года проживал 151 спецпереселенец.

11. Дозовский механизированный лесопункт. На начало 1941 года 80 спецпереселенцев.

12. 18-е кладбище. На начало 1941 года 15 спецпереселенцев.

13. Шордын, спецпосёлок. В 1938 году белорусы Чечерского района Гомельской области, молдаване Каменского района Молдавии. В 1939 году поляки из Брацлавского района УССР, Минской области БССР. Спецпереселенцы различных национальностей из Могилёва и Гомеля Белоруссии, из Винницкой и Хмельницкой областей Украины.

14. Пугвин-Мыс (Пугвин Мыс), спецпосёлок. В 1932–1937 годах белорусы и поляки из Пуховичского, Смолевичского, Червенского, Заславьского районов Белоруссии.

15. Дедовка, спецпосёлок. Спецпереселенцы из Гомельской области в 1934 году и Куйбышевской области в 1935 году. Русские и белорусы из Пинской области БССР в 1941 году.

16. Чуртан, спецпосёлок. В 1932 году поляки из Заславльского района БССР, в 1937 году белорусы и поляки из Минской области. В 1938 году поляки Смолевичского района Минской области.

17. Пономарёвка, спецпосёлок. В 1937 году поляки и украинцы из Винницкой области. В 1938 году немцы из Запорожья, поляки из Острожецко-Городецкого района БССР.

18. Шумино, деревня. В 1930–1931 годах белорусы и поляки из Минского округа. В 1932 году русские из Нижегородского края. В 1943 году поляки Петроковского воеводства, Польша.

19. Верх-Старица, посёлок. В 1951 году литовцы из Литвы.

Примечание.

Авторы не ставят задачу вносить изменения и обрабатывать ранее изданные статьи описания мест дислокации спецконтингента.

В брошюре отражена динамика данного исследования с постепенным накоплением сведений по указанной теме.

29.06.2006.

Источники и литература.

1. ГОПАПО, ф. 643/2, оп. 1, д. 28778.
2. ГОУКПОКМ, ф. 380, д. 6.
3. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 3. Т.1. Пермь: Пермское книжное издательство, 2003.
4. Там же. Т. 2, П. 2003.
5. Там же. Т. 3, П. 2004.
6. Там же. Т. 4. П. 2005.
7. Там же. Т. 5. П. 2005.
8. Пермские поляки. ООО «Раритет Пермь» (Лицензия серии ИД № 00820), 2001.

В работе оказали содействие:

1. Граф Александр Иванович – житель пос. Майкор, Пермского края.
2. Гудовщиков Игорь Валерьевич – гор. Дортмунд, Германия.
3. Дерябин Валерий Семёнович – гор. Кудымкар, Пермского края.
4. Мельникова Цецилия Моисеевна – гор. Кёльн, Германия.
5. Мокрушин Степан Иванович – гор. Пермь.
6. Храмов Иосиф Михеевич – гор. Пермь.

ПОЯСНЕНИЕ

к дополнению описания карты мест расселения спецконтингента на территории Коми-Пермяцкого округа 1929–1954 гг.

Данное дополнение возникло в связи с тем, что было подвергнуто сомнению появление на территории округа спецпереселенцев польской национальности в 1929 году. Продолжая изучение данной темы, мы установили, что именно с этого времени поляки поступали в округ ежегодно в течение 16-ти лет, даже не смотря на амнистию польских граждан от 12.08.1941 года.

Чем это вызвано? Первые спецпереселенцы польской национальности были высланы как граждане СССР в качестве «раскулаченных элементов» из Украины и Белоруссии по решениям сходов граждан и постановлениям судов. Их жизненный уровень зачастую был намного выше большей части украинцев и белорусов, что и послужило их причислению к кулакам. Первоначально инициаторами были местные органы власти и население, а не ОГПУ и не НКВД.

Однако после 1930 года начались плано-организованные аресты по обвинению поляков в принадлежности к «Польской организации войсковой», а затем прошла серия арестов по выявлению лиц занимающихся «шпионажем и диверсиями». Большинство советских поляков никакого отношения к подпольным организациям не имело, но были высланы в отдалённые местности, в том числе и Коми-Пермяцкий округ.

Из-за невероятно тяжелых жизненных условий в 1931–1932 годах из спецпоселений Кочевского района были организованно совершены побеги двух групп поляков в Белоруссию с целью перехода польской границы. В результате на территорию Польши удалось перейти только двоим, остальные были задержаны и осуждены к различным срокам заключения.

9 августа 1937 года Политбюро ЦК КПСС утвердило приказ НКВД СССР «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)», после чего проведена «польская операция НКВД» и в округ поступила новая партия репрессированных поляков с семьями.

Нужно отметить, высшее советское руководство хорошо помнило, что после провала наступления Красной армии на Варшаву в 1920 году, советские части отступили, оставив на территории Польской республики огромное количество пленных. По распоряжению правительства Юзефа Пилсудского было расстреляно свыше 80 тысяч пленных красноармейцев, часть из которых после ранения была собрана по госпиталям и уничтожена польскими легионерами. Более 25 тысяч красноармейцев без вести пропали в концентрационных польских лагерях.

Уже будучи высланными в ссылку и спецпоселения поляки целенаправленно арестовывались по обвинению в шпионаже. В процентном соотношении расстрелянных к общему количеству осужденных по трём национальностям на территории округа, поляки и коми-пермяки расстреляны больше, нежели осужденные из числа русского населения. Данный факт легко проверить в том числе по пятитомнику «Годы террора:

Книга памяти жертв политических репрессий» и имеющихся материалах в окружном и районных судах, а также в окружном архиве. Следует отметить, что в районных судах уголовные и следственные дела даже политического характера в основном пришли в ветхое состояние, т. к. порой хранятся в дровяниках.

В свою очередь коми-пермяцкое население пострадало по итогам политической акции, так называемой «комизации» края, когда в конце 1920-х годов происходило частичное вытеснение из округа русскоязычного населения.

С конца 1939 года началась депортация населения с присоединённых к СССР польских территорий, так называемых Западной Белоруссии и Западной Украины. В 1940 году поступали бывшие польские легионеры-«осадники» и «лесники». Беженцы с территории захваченной Германией. Об этом говорят сохранившиеся документы леспромхозов и колхозов. Бывшие бойцы польской армии генерала Андерса к нам не поступали, а вот члены семей жолнежей Армии Крайовой проживали в Юрлинском районе.

По воспоминаниям ветеранов известно, что в период Великой Отечественной войны в Кудымкаре функционировал «Польский» военкомат по призыву граждан польской национальности при формировании 1-й польской дивизии имени Т. Костюшко и Армии Людовой. Один из сотрудников военкомата, полковник Польской армии Феликс Пашковский продолжительное время проживал в Кудымкаре, где продолжают жить его дети.

Надо признать, что данная тема не изучена и требует дополнительного исследования в будущем. Тем более, что она представляет особый интерес. Первые ссыльные поляки и литовцы появились в Чердынском и Соликамском уездах после освобождения Москвы ополчением Д. Пожарского и К. Минина, теперь уже известно, что и на пермяцких землях в том числе. Об этом говорится у нескольких историков включая С. Соловьёва.

Имеются устные сведения и предания, что в дальнейшем они проживали в д. Князево, ныне Кудымкарского района, д. Львово Юсьвинского района, д. Поляки Кочёвского района.

В то же время одна из польско-язычных волостей Минской губернии ещё до Октябрьской революции носила наименование Гайно-Слободская, отдельные уроженцы которой были высланы в 1937 году в Гайнский район нашего округа.

Всего же по далеко неполным данным высланные поляки в 1929–1945 годах проживали в 46-ти населённых пунктах Коми-Пермяцкого округа. Кроме того на территории округа проживали с 1923 года в административной ссылке до середины 1930-х бывшие члены партии эсеров и РСДРП (м) различных национальностей, в т. ч. русские, евреи, поляки, грузины, армяне. Известные места их проживания: Кудымкарский район, Коса, Кочёво, Майкор, Пожвинский сельсовет.

Г. Гудовщиков.
Июнь, 2006 года.

МЕСТА ПОСЕЛЕНИЯ

лиц польской национальности в населённых пунктах КПО 1929 – 1950 гг.

Юсьвинский район:

1. Юсьва, село, райцентр. 2. Мелюхино, село. 3. Купрос-Волок (Купрос-Романшер), спецпосёлок. 4. Горки (Татарский посёлок), спецпосёлок. 5. Малиновка, деревня. 6. Верх-Куча, спецпосёлок. 7. Забганово, деревня.

Кудымкарский район:

8. Кудымкар, посёлок, затем город. Окружной и районный центр. 9. Визяй, деревня. 10. Галяшер (Голяшер), деревня. 11. Самчики (Белоевского), деревня. 12. Завьялово, деревня.

Юрлинский район:

13. Конанов Бор, спецпосёлок. 14. Сюрол, деревня. 15. Лопан, (Булычи), деревня. 16. Липовский (Липово), спецпосёлок. 17. Кирьяново (Кирьянова), рабочий посёлок. 18. Усть-Пышья, спецпосёлок. 19. Чус, рабочий посёлок. 20. Сюзьва, спецпосёлок. 21. Юм, село.

Кочёвский район:

22. Кочёво, село, райцентр. 23. Усть-Онолва, спецпосёлок. 24. Станомыс, спецпосёлок. 25. Усть-Янчер, спецпосёлок.

Косинский район:

26. Коса, село, райцентр. 27. Буждым, раб.посёлок. 28. Кордон, рабочий посёлок. 29. Одань, спецпосёлок. 30. Бать-Пашня (Бадь-Пашня), спецпосёлок. 31. Лочь-Сай (Лоч-Сай), спецпосёлок. 32. Усть-Коколь, спецпосёлок. 33. Солом, спецпосёлок.

Гайнский район:

34. Гайны, село, посёлок городского типа, райцентр. 35. Сергеевский, спецпосёлок. 36. Чуртан, спецпосёлок. 37. Усть-Лупья, деревня. 38. Шордын, спецпосёлок. 39. Пономарёвка, выселок, спецпосёлок. 40. Пугвин-Мыс, спецпосёлок. 41. Сосновка, спецпосёлок. 42. Захаровка, деревня. 43. Шумино, деревня. 44. Керос, спецпосёлок. 45. Ельдор, спецпосёлок. 46. Смагино, спецпосёлок.

Г. Гудовщиков.
22.07.2006 г.

ВОСПОМИНАНИЯ **бывшего спецпереселенца Ефименко Ивана Никифоровича** **(записаны им лично в 1991 году).**

Родился я в 1906 году в деревне Новая Земля Белорусской ССР в семье из 10 человек, в том числе трёх сестёр и пяти братьев, я предпоследний. Сёстры: Фёкла – 1887 г.р., Федора – 1891 г.р., Анна – 1897 г.р. Братья: Ефрем – 1894 г.р., Макар – 1900 г.р., Даниил – 1903 г.р., Иван – 1906 г.р., Пётр – 1909 г.р.

Сёстры вышли замуж в своей деревне. Ефрем женившись имел троих детей.

Макар учился в Московском Горном институте. Даниил, женившись, ушёл жить к невестке, а младший брат Пётр уехал учиться в Москву. Ефрем и я остались на хозяйстве.

Отец в 65 лет скоропостижно скончался от приступа аппендицита, мать осталась с нами. Во время революции и Гражданской войны Ефрем был на фронте. В 1928 году я тоже женился и мы, с Ефремом, разделили между собой отцовское хозяйство. У нас было два дома 6 на 6 метров и мне достался один из них, старая лошадь, корова, овечка. Вскоре лошадь пришлось продать на убой и купить себе молодую лошадку за небольшую цену. Но в последствии она оказалась краденной. Купил также на базаре породистого жеребёнка, а за тем от породистой коровы телёнок-сосунка на овечку обменял.

В то время у своей коровы молока не было. Пришлось его выпаивать конопляным семенем. Мать жила со мной – она и ухаживала за телёнком. Жеребёнок и телёнок росли хорошо.

Брат Макар окончил Горный институт и Высшую лесную школу, женился и работал в Смоленске губинспектором лесов. И вдруг он мне прислал письмо: «бросай хозяйство и приезжай ко мне, я тебя устрою лесообъездчиком».

Я подумал: «только нажил хороший скот» и отказался. Тогда брат написал Ефрему, тот семью оставил, а сам уехал и устроился бракёром от «Запспичтреста».

Весной 1931 года, ночью, пришли сотрудники милиции и работник сельсовета, арестовали меня прямо из постели, всего пять человек (арестованных в ту ночь, дополнение моё). Погнали нас на станцию Осиновка в 16-ти километрах от деревни, везли на лошадке. Посадили в товарный вагон и, когда собрали задержанных со всего района, повезли на станцию Орша. Там построили со всех вагонов и под конвоем повели в городскую тюрьму.

В камере на 20 человек нас было 60. Параша стояла возле дверей и к ней нужно было идти через людей, лежащих на полу. В тюрьме нас держали около месяца.

Семьям нашим, после нашего ареста, дали на сборы один час, посадили на подводы и тоже привезли в Оршу, поселив на элеваторе. Затем нас под конвоем провели на элеватор и предложили самим искать свои семьи. Потом подогнали товарный поезд и погрузили в каждый вагон по 40–45 человек с вещами. Состав перевели на вокзал, где присоединили вагоны с прибывшими людьми из Минска и Витебска. Объединённый эшелон, из более, чем 40 вагонов отправился в неизвестном нам направлении. В одном месте в чистом поле поезд остановили и в течение часа дали возможность выйти из вагонов и оправиться, потом отправились дальше. От Москвы до Перми нас везли двумя паровозами – один впереди, второй сзади.

В Перми привели к пристани на реке Кама, где стояла большая деревянная баржа, в которую погрузили весь эшелон. В центре баржи стояли две бочки, куда опраивались. Тащили баржу двумя колёсными пароходами в верх по реке. На третьи сутки причалили к берегу около деревни Пятигор в Коми-округе, выгрузили на ровный луг.

Пришли со всего округа подводы, на которые посадили детей, стариков и кое-какие необходимые вещи, а остальной скарб погрузили на отдельные подводы и завезли в церковь, стоявшую в деревне, там сгрузили и пошли пешком с подводами. Мы повернули влево, а остальные дальше поехали.

Нас по лесу повезли до речки Коса. У берега стояли плоты из брёвен и несколько лодок, погрузились и поплыли вниз по реке, а остальные пешим ходом пошли по берегу. Километров через 20 причалили к берегу в лесу, где стояли два старых барака, в которых зимой жили из окружающих деревень лесорубы. Заняли оба барака и даже чердаки, а остальные из еловой лапки под деревьями сделали шалаши и жили в них до зимы.

По приезде появилось начальство: комендант, начальник участка, прораб. По лесу были проделаны визирки (прорублены просеки) и стояли колышки с номерами домов (будущих). Мы стали рубить лес и строить дома. В первую очередь построили магазин и столовую. Затем построили сто домов двухквартирных длиной 8 метров и шириной 6,5 метров без единого гвоздя, так как их не было.

Крышу делали из дранки, её кроили. Были продольные пилы, тонкие брёвна распиливали пополам (вдоль) – ложили пол и потолок. Рамы к окнам и двери были завезены баржой и без стекла. Двери мы окосячили (сделали косяки), а окна делали только по одному в доме. Печей в домах не было из-за отсутствия кирпича, делали земляные очаги, где жгли дрова и двери раскрывали для выхода дыма. Так и зимовали.

В каждом доме проживало не менее 15 человек. В моём доме, где я жил, было четыре семьи из 17 человек. Нары в доме были сплошные, когда жгли дрова, то детей укрывали одеялами, чтобы дым не заходил к ним. Когда оставались угли, двери закрывали. Так жили и работали каждый день без выходных.

Зарабатывали от 400 до 800 грамм хлеба, согласно заработанному хлебу получали соответственно количество грамм сахара, рыбы, крупы, расти-

тельного масла. Иждивенцам (не работающим членам семьи) выдавали по 4 килограмма муки (в месяц) и другие продукты.

Зиму 1931–1932 годов часть людей работала на строительстве, а остальные в лесу на заготовке древесины. Работали бригадами по 8–10 человек. В посёлке, который назвали Солом, столовая была только для лесорубов, в которой кормили один раз в сутки вечером и только тех, кто выполнял норму (выработки).

В посёлке первый год не было никакого скота, даже кошек и собак. В 1931–1932 годах с питанием стало ещё хуже. Стали болеть малярией, идёшь, упадёшь, тебя около часа потрясёт, встанешь как пьяный и дальше пойдёшь.

Наступил голод, а весной 1934 года настала массовая смертность. Была создана похоронная бригада из восьми человек, которые заблаговременно копали яму и сносили в неё по утру умерших за ночь. За это получали по 800 грамм хлеба. Медицинского работника до 1934 года не было. Весной 1934-го по реке баржами поступила мука, крупа и другие продукты. С питанием обстановка улучшилась, но людей в живых осталась третья часть.

Я работал на строительстве медпункта и, после его завершения, комендант заставил нас построить возле комендатуры арестантскую избу, в которую садил, кого вздумает. У меня была бригада из восьми человек, умерло шестеро, поэтому арестантскую достраивали вдвоём. Зашивали фронтоны и вот, однажды, я сам еле залез по лестнице на чердак, так как ноги сильно распухли. Напарник же мой на работу не вышел, едва спустился обратно на землю и пошёл к нему домой, благо он жил не далеко. Открываю двери, он лежит на лавке, говорю:

– Корней, пошли на работу.

А он отвечает:

– Видимо я уже не смогу.

И к вечеру умер. Я вышел от него и подумал, что приходит моя очередь помирать. А коменданта не было, он находился на совещании в райотделе НКВД и я самовольно ушёл домой. Жена моя крепко истощала от голода, всё берегла продукты для меня и трёхлетней дочери.

Я собрался и пошёл в посёлок Усть-Коса на лесосплав, там люди не голодали. Получали хлеба по 900 грамм и, помимо этого, была столовая, где за деньги можно было покушать

Устроился на строительстве лодок для сплава, проработал три дня и получил паёк: хлеб, сахар, рыбу, а сам питался в столовой. Жили мы в небольшом помещении, рядом с пекарней, и пекарь по вечерам приходил поговорить с нами.

Я рассказал ему, в каком состоянии оставил жену с ребёнком и предложил в обмен на хлеб для семьи костюм и новую красную, сатиновую рубашку. От костюма он отказался, а за рубашку дал буханку хлеба, килограмма два муки и чекушку растительного масла.

В тот же вечер ушёл домой с добычей, открываю дверь, смотрю, жена лежит на полу и дочь, увидев меня, поднялась от неё, подошла ко мне и

просит хлеба. Я отрезал хлеб, полил маслом и посыпал сахаром, а сам подошёл к жене – она лежит и смотрит на меня открытыми, неподвижными глазами. С трудом поднял её, она еле показывала признаки жизни. Усадил на скамейку, разжёг железную печку, вскипятил воды, налил в кружку с сахаром и хлебом и давай её поить. Она с трудом проглатывала чай, так я ночь пробыл с ними, пока она сама не стала передвигаться и брать кушать. А утром вернулся назад на работу.

Когда приехал комендант и узнал от своих подхалимов, что меня нет, то пришёл ко мне домой и увидел в каком положении жена. Он думал, что я в побеге. От жены узнал, что я в Усть-Косе и дал указание своему помощнику привести меня в комендатуру.

Когда пришли к коменданту, он встретил меня с криком и стуком кулака по столу за самовольный уход:

– Я тебя посажу вот в эту арестантскую, которую ты сам построил и отправлю в штрафную, а там пропадёшь.

Я отвечал, что уже на несколько дней дольше прожил и жене с ребёнком жизнь продлил, благодаря самовольной отлучке. Он покричал и отпустил до первого вызова.

С лета 1934 года положение с питанием значительно улучшилось. Лето было сухое и весь летний период были пожары, горели леса и солнце постоянно было красное от дыма.

В 1935 году организовали сельхозартель, в начале как подсобное хозяйство леспромхоза. Весной всех послали на гору, где прошёл сплошной пожар, убирать недогоревшие головёшки. Их складывали в кучи и сжигали. Было много грибов сморчков, их варили и кушали.

От посёлка расстояние было 8 – 9 километров, в лесу и ночевали. Один мужчина лет 40 и девка лет 25 отравились грибами и скончались. Вырыли одну яму и там же похоронили в лесу. Под осень на пожарище посеяли рожь. Сделали из сучьев пихты и ели бороны, ими и боронили пашню.

В 1935–1936 годах в сельхозартель поступили плуги, бороны, даже конная картофелекопалка. Дали ссуду, на деньги которой закупали у населения коров.

В 1937 году меня поставили бригадиром, а в 1938 году председателем артели, в должности которого работал до 20 февраля 1943 года. К этому времени артель имела 70 дойных коров, племенного быка, несколько десятков овец Романовской породы, а также свиней. Гари перепаживали, сеяли рожь и овёс возле посёлка на возвышенных местах, сажали картошку, пшеницу, горох, ячмень.

В войну с продуктами было плохо, но мы уже могли питаться своими выращенными продуктами. Дойные коровы стали давать молока до 3000

литров в год, пшеница и ячмень до 20 центнеров с гектара, картошка в некоторые годы до 30 тонн с га. Получали на трудодни хлеб, картофель, масло и деньги.

Коменданту всё время хотелось командовать и хозяйничать самому. Приходит в склад, возьмёт масло, а потом идёт в контору и платит за него, а оно у нас было дешёвое. Скомандовал резать двух овец для фронта, а ему говорят, что мясные посылки не принимаются, Однако зарезали: одну завёз начальнику райотдела, вторую себе оставил. Когда попросили квитанцию, то он сказал списать их. Я об этом рассказал председателю райисполкома, он поговорил с секретарём райкома партии, тот вызвал на заседание бюро меня и коменданта, и ему объявили по партийной линии выговор. Вот тогда они решили с начальником РО НКВД убрать меня с руководства сельхозартели.

20 февраля приехали, арестовали меня и счетовода. Продержали в КПЗ три месяца, кормили со столовой отбросами, передачу не принимали, во время допросов издевались. В июне судили: мне дали 6 лет, счетоводу 10 лет заключения. Отправили в Соликамск, в тюрьму.

У меня была одна корова и трое детей. Корову забрали, а больше ничего не было. Вот тебе суд и закон. Соликамских присоединили к Курскому этапу, 850 человек посадили на баржу и повезли по Вишере до Чердыни, а там пешком до Бондюга. Загнали в барак со сплошными двухъярусными нарами. Бараки большие и только по два окна, и они из поллитровых (стеклянных) консервных банок, света почти не было. Лежали вплотную, одетые. Когда проходила поверка, приходили с берестой на железном пруту. При подсчёте пройдут по бараку и дышать почти нечем. Когда подсчёт не сходится, то выгоняют во двор, построят и загоняют в другой барак, а их в наш и снова поверка. Через сутки нас погнали в лес, на лесозаготовку.

На второй день меня поставили десятником во второй бригаде, а счетовода Тоболина в контору. Кормили одной кашей из зерна пшеницы, иногда суп и «Запеканка хлеба» 500 грамм. Стала мучать дизентерия, поэтому один барак полностью перевели под «стационар». В скорости в нём лежало около 300 человек, в результате – массовая смертность. К октябрю от заключённых Курского этапа из 850 человек осталось 150. Умер и мой счетовод Тоболин.

В первых числах ноября лагерь закрыли, остальных перевели в другие лагеря. Я попал на пересылку в лагерь «Берёзовая старица» и пробыл там больше месяца. Кормили один раз в сутки: водичка, в которой варили брюкву и 400 грамм хлеба, как тесто.

Затем этапом погнали в Ныроб. Я потерял половину веса и, нас таких доходяг, отправили в сельхозлагерь на поправку. Поработал на подсобных работах по очистке парников, переборке картофеля и так далее. У меня там оказался знакомый зоотехник. Он меня попросил на ремонт станков и перевёл на свиноводство малых поросят кормить овсяным киселём с молоком. Вот там я возле поросят и ожил. Свиной было 800 голов – я стал

забойщиком. То вынужденный забой, а осенью массовый, я уже и жирка поел, хотя это было воровство. С крупных свиней снимали кожу – вот мы и приспособились оставлять на ней жир. Затем кожи заносили на чердак и там обрабатывали, там же и прятали свою добычу, а когда нужно – брали. Завскладом был заключённый латыш – хороший человек и нас не сдавал. Потом меня поставили на конный двор зав. обозом и там проработал до освобождения.

После освобождения вернулся в Сольм к семье. Над женой просто всякими способами издевались работники комендатуры и мой враг, которого поставили после меня председателем. Посылали на плохую работу, где не было заработка, а заработанные деньги удерживали за облигации займа. На моих голодных, раздетых детей натравливали других и те кричали: «Ваш отец враг народа, враг народа».

Старшая дочь училась в Косе и ходила в лаптях, так и лапти не на что было купить. Всё-таки она в последствии окончила Учительский институт.

Когда я пришёл из лагеря, то у нас уже колхоза не стало. Довели людей, что они не стали работать и всё хозяйство, скот, постройки передали Порошевскому колхозу. Председатель колхоза (сельхозартели) уехал на родину, на Дон, увёз с собой много денег и облигаций, особенно чужих. Подробности описывать не стану. В дальнейшем я работал на разных работах: бригадиром на сплаве, десять лет на шпалорезке рамщиком до пенсии.

Старшая дочь Зоя учительствовала, вышла замуж, имеет двоих сыновей, живёт в Белоруссии. Средняя дочь Зина живёт в нашем посёлке, вышла замуж, имеет сына и дочь. Муж стал алкоголиком и мы его всякими способами удерживали от пьянки, он бросил семью и уехал на родину. Дочь вышла за вдовца, работала продавцом в промтоварном магазине, вышла на пенсию. Младшая дочь Валя живёт в Каменск-Уральском, работает экономистом. Замуж не вышла.

Мы с женой прожили уже по 85 лет и сейчас прибалываем, но ещё живые. О нашей прожитой жизни судите сами, а всех подробностей из-за малограмотности описать не смог.

1991 год.

Умер Иван Никифорович 26 декабря 1996 года в возрасте 90 лет. Низкий поклон праху его.

Копию с подлинных записей из школьной тетради с отдельными вынужденными правками снял в сентябре 2005 года

Г. Гудовщиков.

М. А. Кривошеков

От Истердора до Кудымкара

Книга вторая.

(отрывок).

НА НОВУЮ РАБОТУ.

(л. 104)

В Перми я ещё пробыл 2 дня. Распростился с товарищами, сходил в кино, собрал свои вещи, сдал оружие и уже собрался к выезду, но тут ещё заехал ко мне мой друг коммунары Бурлаков Спиридон Мих. Он ехал на 3-х месячные курсы в г. Тюмень. Поговорили немного с товарищем и расстались.

Коммузовец Вакин помог мне унести вещи на вокзал и я покинул Пермь.

С Менделеево до с. Кочёво, с остановками на ночлег, ехал я 5 суток на лошадях, в телеге, по грязным дорогам под дождём и слякоти. Одежда моя не успевала просыхать за ночь, а днём в дороге я опять был мокрый и мёрз как лёс. По дороге из Юрлы в Кочёво я до такой степени сначала промок, а потом заморозило и моя одежда превратилась в ледяной панцирь, как на средневековом рыцаре.

Остановившись на ночлег в д. Шипицино, я не мог снять с себя одежды до тех пор, пока она не растаяла. В Кочёво остановился у Овчинникова И. Ф. После перенесенных дождевых и снежных ванн я чувствовал себя плохо, но не хотел об этом говорить.

Вечером в райондел поступил сигнал, что в один из хуторов в километрах восьми от Кочёво должны прийти на ночь бандиты. Овчинников и начальник милиции решили сделать налёт на этот хутор и если удастся, накрыть бандитов.

Быстро скомплектовали отряд в человек десять из числа оперативных работников милиции во главе с Овчинниковым, последний предложил выехать вместе и мне. Отказываться по болезни было неудобно, это могли считать за трусость и я тоже поехал. (л.104 об.). Мне дали неподкованную лошадь, по мёрзлым комкам она совсем не могла бежать. Я стал отставать от отряда и пришлось лошадь оставить в одной деревне. Дальше я уже бежал за конными пешком около 3 – 4 км.

Ночь тёмная, хоть выколи глаза - ничего не видно. При помощи проводника добрались до хутора, оцепили, послали разведчиков, последние вскоре выяснили, что бандитов нет. Пришлось ждать рассвета и утром вернулись в Кочёво. Сигнал оказался ложный.

Получив кое-какие указания и инструкции от районного коменданта, 5 ноября я выехал в Юксево. 6 ноября мне дали из Юксеевского колхоза лошадь с подсанками и, сложив на них свои пожитки, я поехал в лес, на так называемый новый посёлок Коврижку.

Ехал я всё время тихим шагом по старому Кайскому волоку. Волок когда-то являлся «государевой дорогой» из Руси на Чердынь, которая являлась центром страны Коми.

Юкеевские мужики рассказывали мне, что волок длиной около 100 – 120 км. В дореволюционное время по волоку часто ездили царские чиновники и купцы. А однажды проезжал какой-то важный чиновник в летнее время и его везли в карете приспособленной на сани, в которые были впряжены 12 лошадей.

На половине пути по волоку имелась государственная станция, состоявшая из 2 – 3 домов и конюшен для лошадей. На станции останавливались на отдых, очевидно меняли лошадей и после отдыха продолжали путь.

Во время Гражданской войны постройки на станции (л.105.) были сожжены и теперь осталось только одно название. Услышал я от мужиков ещё один печальный рассказ о том, что зимой в начале 1919 г. со стороны г. Кая по волоку приходил отряд красноармейцев, очевидно с разведкой. Белогвардейцы-колчаковцы при помощи местных кулаков устроили засаду и перебили чуть-ли не весь отряд красноармейцев.

С установлением Советской власти всякое движение до Кая прекратилось. Настилы из брёвен по топким болотистым местам погнили и в летнее время проезд на лошадях был кое-где уже невозможен. По рассказам мужиков по волоку в последние годы ездили только до Коврижки, где находились 2 небольших барака для лесозаготовителей, в 30 км от села Юкеево. Кроме того местные жители ездили в ту сторону за ягодами (клюквой, брусникой, черникой и т.п.), ездили на охоту за оленями, глухарями и другой лесной дичью.

Теперь этот лесной край ожил. Для разработки и использования лесных богатств сюда завезены люди вместе с семьями и необходимым домашним скарбом, на поселение, из числа кулацкой прослойки населения Украины и Белоруссии.

По полученному мной инструктажу от Овчинникова И. Ф. и райкоманданта Колесова, было мне известно лишь то, что выселению подверглись главным образом такие семьи, которые в какой-то мере эксплуатировали в своих хозяйствах чужой труд, оказывали сопротивление мероприятиям Советской власти и партии. Оказывали противодействие организации колхозов и т.п. что среди действительных кулаков и враждебных Советской власти элементов могли попасть и ошибочно выселенные, поэтому необходимо было помочь им в освобождении из ссылки.

(л. 105 об.) Основная же масса выселенных должна будет осесть в специально ими же выстроенных посёлках, работать на заготовке леса, на своих заработках содержать свои семьи и перевоспитываться трудом.

Моя обязанность заключалась в руководстве над этим контингентом людей. Комендант посёлка должен осуществлять над ними всю административную и политическую власть. Организовать их на труд в участках леспромпхозов под руководством администрации ЛПХ и участков, следить как за соблюдением дисциплины труда, так и за правильным использованием переселенцев на работе.

Кроме того, нужно было заботиться и о семьях выселенных, чтобы члены семей тоже могли где-то трудиться и иметь дополнительные средства жизни в виде разработки огородов и посадки для себя овощей, картофеля, обзавестись домашним скотом.

И вот, перебирая в мыслях всю предстоящую мне работу, я двигался постепенно вперёд по грязи, кое-где по деревянному настилу, к месту своего назначения. Проехав около 9 км, я достиг местечка Сёрва, переехал реку Лолог по мельничному мостику и тут, углубляясь дальше в стену дремучего леса, меня покрыла темнота ночи.

Теперь я уже ничего не видел: ни дороги, ни деревьев, ни неба, одна тёмная стена. Я стал полагаться только на инстинкт своей лошади, куда поведёт она. Порой меня охватывала жуть, боязнь заблудиться и погибнуть с лошадью где-то в болоте, или нарваться на бандитов. Утешало немного то, что со мной есть оружие и я могу защищаться.

(л.106.) Так я ехал часов пять углубляясь в лесную щель. Лошадь шла, видимо, всё по волоку на котором имелись следы телег и саней.

Наконец из темноты в расщелине леса показалась светлая полоска неба и проехав ещё с четверть километра я выехал на вырубку. Вдали показался слабый огонёк лампы. Подъехал к свежевостроганному домику, слышу там голоса людей, звуки гармошки. Оказалось, что молодёжь готовится к выступлению на вечере, посвящённому празднованию годовщины Октябрьской революции.

Один из парней вызвался проводить меня до комендатуры. Расстояние до неё было около 200 метров, но ехать пришлось с полчаса, так как дороги не было и моему проводнику пришлось немало поработать, переворачивать вершины и другие порубочные остатки, прокладывая дорогу.

В комендатуре возле топившейся печки сидели трое: уполномоченный ОСП (отдел спецпоселений) ПП ОГПУ (полномочное представительство объединённого Государственного Политического Управления) по Уралу Черепанов в форме ОГПУ, временно исполняющий обязанности поселкового коменданта Юркин и милиционер.

Познакомившись с обитателями комендатуры, я быстро вошёл в их общество и поговорив немного стали располагаться на ночлег. Пришлось расположиться на полу, так как в новом помещении ничего ещё не было, Даже деревянных топчанов.

На другой день 7 Ноября я вышел осмотреть посёлок, где мне предстояло работать. Посёлок находился в стадии строительства. Было выстроено десятка два двухквартирных домиков, в которых уже жили, и с десятков домиков достраивалось. Вся территория посёлка представляла сплошной хаос, завальная срубленными деревьями, колодником, сучьями и кострами. (л.106 об.) Домишки выстроены настолько грубо и плохо, что их и за домики считать было зазорно. С брёвен, врубленных в стены домов, во многих случаях кора даже не снята, сучья обрублены не заподлицо и торчат как кулаки, внутренние стороны стен не обтёсаны, крыши сделаны из дранки также плохо и не красиво. Печи вылеплены из глины, так как кирпичика нет и тоже сделаны плохо. Смотря на всю эту картину сложилось очень неприятное впечатление, что такое «уютное» жильё, выстроенное для бывших кулаков, едва ли будет располагать их к длительному проживанию здесь.

В связи с праздником люди не работали. Молодёжь готовилась к вечеру. Помещения клуба не было и для проведения вечера приспособили вновь выстроенный барак.

Торжественную часть вечера отметили тем, что по предложению Черепанова мне было поручено сделать доклад «О 14-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», а потом выдавали премии ударникам строительства.

Во второй части вечера объявили игры и танцы. По тому, как молодёжь принимала участие в играх, танцах и песнях, у меня сложилось впечатление, что у этих людей культура и понятия стоят на более высоком уровне, чем у наших коми-пермяков.

Несмотря на нелёгкие условия ссылки и жизни в лесу, молодёжь веселилась, играла и пела. Были среди них и более инициативные и энергичные парни и девушки, организаторы. Одним словом, мне понравилась весёлость и живость молодёжи и я подумал, что жизнь прочно может закрепиться в этом далёком лесном уголке.

(л.107) Но первое впечатление моё оказалось ошибочным. Утром, 8 октября, проходя по посёлку, я подошёл к горящему костру, у которого сидели несколько пожилых мужиков. Поздоровавшись, я сразу же обратился к ним с таким вопросом:

– Ну, как мужики думаете насчёт огородных участков? Весной надо уже будет посадить картофель и овощи, а земля ещё не разработана. Надо наверное с осени начать подготовку почвы?

Мужики как-то безучастно смотрели в костёр и молчали. Прошло с минуту или две и один из сидящих старик-белорус Береснев Тихон невесёлым взглядом посмотрел на меня и промолвил:

– Нет, гражданин комендант, в этом посёлке огородов иметь не будешь и ничего не вырастишь. Мы уже везде вокруг смотрели, хорошей почвы тут нет. Вот внизу есть небольшая поляна, где почва может что-либо родить. Но она только для одной или двух семей, а остальным где взять? Почва здесь исключительно белый песок с галькой, на ней не будет ничего расти.

Помолчав немного, старик ещё добавил:

– На этом посёлке жизни людям не будет. Зря нас сюда привезли. Тут будет только смерть, а не жизнь.

В течение двух дней я обходил вместе с Юркиным каждый дом, знакомился и переписывал каждую семью. Беседовал с отдельными и убеждался всё больше, что спецпереселенцы настроены очень пессимистически и никто не питает надежды на устройство нормальной жизни на Коврижке.

(Л. 107 об.) Всех спецпереселенцев к посёлку Коврижка было причислено более 200 семей. В посёлке проживало пока около 80 семей, остальные находились в селе Юкеево, в бараке на участке Турпан-Шор, Курганане, Сёрве и ближайших деревнях.

В последующие дни выехали с Юркиным в Юкеево и я принял спецпереселенцев во всех пунктах. Многие семьи, проживающие в бараках, да и в посёлке, вызывали жуткое ощущение. Они вовсе не были похожи на богатых кулаков, а скорее на жалких нищих. Особенно отличались украинцы своим убожеством: грязные, обовшивевшие, с немытыми лицами. В их жилищах полы не вымыты, везде грязно и неуютно, сами какие-то вялые и болезненные.

После приёма вернулся на Коврижку, а через два дня снова выехал в Юкеево и Турпан-Шор для переселения семей спецпереселенцев из барakov

в Коврижку. Бараки требовалось освободить для размещения рабочих из числа тех же переселенцев, которые будут работать на лесозаготовках.

На Коврижке тоже требовалось ускорить строительство, чтобы вселить семьи переселенцев, проживающих в Юксево на квартирах у колхозников. Допускать дальнейшее совместное проживание спецссылки с колхозниками было неуместно и могло отрицательно сказаться на моральном состоянии колхозников. Но сделать пришлось очень мало.

21 ноября 1931 года из Свердловска приехал большой отряд работников ОГПУ и разъехался по районам: Гайнскому, Косинскому, Кочёвскому, в которых была поселена спецссылка, всего около 5000 семей. Для них было выстроено и строилось около 22–25 посёлков.

Перед отрядом была поставлена задача: в течение 3–5 дней (Л.108.) поднять основную массу трудоспособных людей и направить на лесозаготовки.

В Коврижку приехал один из этого отряда, некто Куимов и заставил меня и десятника Юркина, который руководил строительством в посёлке, в 6 часов утра обойти все дома и собрать всех способных работать в одно место в течение одного часа.

Когда люди собрались, Куимов зачитал список из 150 человек и объявил, чтобы через час все были готовы и вышли на дорогу. Отсюда в распоряжении десятника и моём, как коменданта, должны все отправиться в Турпаншорский барак, на лесозаготовки, за 30 километров от Коврижки.

Я пытался было просить Куимова, чтобы дать возможность людям сегодня подготовиться, собрать зимнюю одежду, обувь, помыться в бане, поскольку никто не знал, что так быстро придётся отправляться и не успели подготовиться. А ведь идут они на всю зиму. Но ретивый уполномоченный не дал мне дальше говорить.

– Никаких разговоров! – вскричал он. – Немедленно исполняйте то, что Вам приказано и предоставте всех людей на место, Не наше дело, готовы они или не готовы.

Пришлось подчиниться и сопровождать людей. В Коврижке осталось человек 20 плотников на строительстве, но вскоре и их заставили отправить и в посёлке остались всего человек 5 плотников, да женщины с детьми. Даже шестнадцатилетних подростков заставили отправить.

В Турпан-Шоре пробыл я несколько дней. Уполномоченные ОГПУ требовали, чтобы я заставил всех работать и ежедневно гнал на работу проживающих в селе Юксево переселенцев.

В Турпан-Шоре происходила такая кутерьма и суматоха, (Л. 108 об.) что нельзя было разобрать, кто и что делал. Косинский леспромхоз и его Лологский лесопункт, ведавшие участком Турпан-Шор, как следует, не подготовились к зимним работам. Не хватало инструмента, саней, подсанков, либо они оказывались неисправными. Люди ещё никогда не работавшие на заготовке и вывозке леса не умели работать, как бы следовало, работа шла плохо, нормы не выполняли, а тот, кто не выполнил, тому меньше давали хлеба.

У многих не было тёплой одежды, обуви, рукавиц. Сразу же сказалось то, что люди пришли в лес неподготовленными, не успев взять с собой тёплых вещей. Некоторые по этой причине стали отлынивать от работы.

Другие прикидывались больными, а возможно и действительно болели. Третьи, не научившись работать на лошадях, тоже оставляли их и ухаживали.

Куимов стал приказывать мне арестовывать уклоняющихся и запирали их в овощехранилище возле Турпан-Шора, а Юксеевских в подвал под церковью.

Реза три или четыре я выполнял такие его распоряжения. Но однажды в Юксеево я встретился с вновь прибывшим в Кочёво райуполномоченным ПП ОГПУ Худяковым А. Д. Познакомившись с ним, я доложил ему, как идёт работа. Худяков дал мне ряд наставлений и добавил:

– Насчёт арестов будь осторожней и не старайся особенно слушаться этих уполномоченных. Если с кем что случится, то виновником будешь ты, а кто давал тебе приказания, он будет чист и прав, и ты ничем не докажешь, что виноват он, а не ты.

Предупреждение мне было очень своевременным и я прекратил такие приёмы воздействия на переселенцев.

Отряд уполномоченных ОГПУ, выполнив свою задачу, дней через 10 выехал из округа. Когда они проезжали через село Юксеево и останавливались (Л.109.) в доме приезжих, и в столовой, мне пришлось в течение некоторого времени побыть с ними вместе. Я ночевал тоже в этом доме приезжих. Ночью с шумом и гамом они нахлынули человек 20. Все в шинелях, полушубках. У каждого в петлицах светятся по одному и по два прямоугольника (кирпичика), значит люди должны быть культурные, образованные и занимающие большие посты, думал я. Но как они развязно ведут себя.

Вот они потребовали ужин. Официантка Маша, девушка коми-пермячка, стала подавать им блюда. Увидев, что она в лаптях, её подняли на смех. Кто-то пролил на пол суп. Проходя по этому месту, сконфуженная от смеха девушка, поскользнулась и грохнулась на пол с подносом и со всеми стоявшими на нём тарелками с супом.

Это почему-то вызвало у этих людей невообразимый взрыв хохота. Бедная Маша совсем растерялась и не знала что делать. Не зная хорошо русский язык, она что-то произнесла не совсем правильно насчёт своей столовой и над этим её выражением опять поднялся хохот и насмешки.

Меня до крайности возмутила наглость этих «культурных» скотин с малиновыми петлицами. Так и хотелось сцепиться с ними и пристыдить их за издевательские насмешки над девушкой.

Но я и сам был не силён в русском языке и не нашёл нужных слов для схватки с этой оравой.

Подумав над тем, каков мог быть исход от столкновения с ними, я отошёл.

До этого времени в моём представлении работники ОГПУ были самыми лучшими, достойными сынами Родины, которых партия отбирала и направляла на (Л.109 об.) такую важную и почётную работу, как ОГПУ. И я сам себя считал тоже таким избранником, гордился тем, что партия доверила мне работать в этих органах.

Теперь, после действий Куимова и поведения в столовой всей их компании, мои наивные представления начали рушиться.

После отъезда отряда ответственность за полное использование переселенцев с вверенного мне посёлка на лесозаготовках целиком возлагалась на меня, и я регулярно два раза в пятидневку выезжал по участкам, в которых они работали.

Уклоняющихся от работы и нарушителей трудовой дисциплины заставлял работать. Кое-кого пришлось отправлять в штрафную команду в посёлок Янчер.

Иногда десятники леспромхоза несправедливо ущемляли переселенцев, и я вынужден был заступаться за них, и за это кое-кто из администрации пожаловались райкоменданту на меня. Конечно, администрация леспромхоза и лесоучастков с одной стороны была права в том, что требовала от спецпереселенцев более производительной работы. Но с другой стороны, они совершенно не учитывали, что эти люди никогда в лесу не работали, работа в лесу была им непривычна, не было у них ни умения, ни сноровки и к тому же, они питались неважно, морозы тоже были непривычны.

Все трудности работы в лесу многие из переселенцев вскоре преодолели и стали работать нормально, обеспечивая своими заработками жизнь членов своих семей, но многим эти трудности, видимо, показались не по вкусу. (Л. 110.) Стали учащаться случаи побегов и в каждый свой выезд я обнаруживал исчезновение то одного, то другого переселенца, а в конце месяца недосчитывался до 10–15 человек сбежавших.

Райкомендатура установила посты в селе Юкеево и в селе Кочёво. Кое-кого из сбежавших задерживали, но большая часть уходила, так как этому способствовало в какой-то степени и местное население.

5 декабря 1931 года ко мне из Гайн приехала Нюра. С этого времени Коврижка стала для меня роднее и ближе. Она стала учить детей переселенцев в школе и тоже через детей вникала в жизнь спецпереселенцев, порой помогая и мне разрешать их нужды и запросы.

Приезд Нюры отстранил от меня скуку одиночества, которая начала меня угнетать в этой таёжной глуши, где я не имел близких товарищей, ни людей с которыми мог бы общаться как с равными. С переселенцами я не имел права быть в близких отношениях, они считались классовыми врагами и срастаться с ними означало-бы преступление.

Я был чрезвычайно рад и благодарен Нюре за то, что она своевременно приехала и разделила со мной все трудности жизни в далёком лесном посёлке. Теперь, каждый раз глухой морозной ночью возвращаясь в Коврижку, меня уже не тяготила ни длинная дорога, ни глушь посёлка, ни унылый вид людей. Я ехал с радостью и надеждой близкой встречи с любимой.

Да, дорогая моя жёнушка. Ты тем более стала для меня уважаемой и любимой, что не пожалела для своего друга лучшие условия жизни и приняла на себя часть тяжести и невзгод, навалившихся на меня в связи с моим комендантством над переселенцами.

(Л. 110 об.) Так в постоянных выездах по лесоучасткам Турпан-Шор, Ягшор и Усть-Берёзовка, в которых работали переселенцы, прошла зима 1931–1932 годов.

Побеги продолжались, и меры, принятые по дорогам по задержанию бегущих, оказывались мало эффективными. В дополнение к этому возникло

другое, более опасное явление. Началась смертность людей и из месяца в месяц стала возрастать. В апреле месяце дошло до того, что почти через каждые два дня были один или двое умерших. В последующие дни для гробов в посёлке уже не находили досок. Смертность происходила не от эпидемиологических заболеваний, а главным образом от недоедания и грубой пищи, что вызывало болезни желудка и другие.

Рабочий кооператив Косинского леспромхоза мог продавать в нашем поселковом ларьке только муку, крупу, сахар, рыбу. Мясных и молочных продуктов, овощей и картофеля совсем не бывало. Привозили сухой картофель, но он был не очень доброкачественный и при том недостаточно. Многие большесемейные семьи не имели средств на покупку продуктов и в течение некоторого времени жили за счёт того, что обменивали свои вещи, одежду и другое в деревнях среди местного населения. Обо всём этом я регулярно информировал райкомендатуру и однажды высказал своё мнение о том, что посёлок выстроен неправильно. Нужно было его основать на таком месте, где земля пригодна для выращивания огородных культур, ближе к населённым пунктам и чтобы была более удобная дорога. Коврижка же оказывается нежизненной и обречённой на вымирание и самоликвидацию.

(Л. 111.) В феврале 1932 года с разрешения своего начальства я съездил в Истердор. По письмам из дому, которые писал сосед Яков Сергеевич, было мне известно, что в результате неурожая и других обстоятельств в колхозе с продуктами питания положение неважное. А поскольку родители мои работать уже не могут, работает одна Евдокия (первая жена, примечание моё) на пять человек семьи, то естественно их положение ещё хуже. Поэтому, закупив кое-какие продукты, я увёз им. Кроме того товаров для одежды девочкам.

БАНДА «РАСПУТИНА»

Весной с началом сплавных работ значительная часть рабочих-спецпереселенцев была переведена в верховья реки Лолог, участок Ижовка, где имелся небольшой барак и помещение для ларька.

Я тоже собрался было съездить туда посмотреть, как живут рабочие, но очевидно где-то простудился и серьёзно заболел, температура поднималась до 39 градусов по нескольку раз в день, то опускалась. Фельдшер спецпереселенец Бейдин определил диагноз – малярия. Болезнь привязала меня к постели надолго и выехать мне не удалось. Питаться получше было нечем и мы оба с Нюрой находились в положении не многим лучше, чем спецпереселенцы.

Однажды под вечер прибежал ко мне младший десятник Пётр Поварницын с Ижовки, встревоженный и испуганный и стал рассказывать о происшествии на Ижовке. Сегодня утром на ларёк на плотбище Сизёр сделала налёт банда «Распутина» – Гришки Никонова, их было человек 7–8. Награбив водки, продуктов и товаров, бандиты (Л. 111 об.) щедро предоставили дограбление ларька спецпереселенцам. Налакавшись водки, пьяные бандиты схватили старшего мастера участка Исаева, зверски поиздевались над ним, отрезали нос, половой член, а потом его убили.

Один из бандитов застрелил колхозника из деревни Митиной, работавшего на сплаве. Он оказался шурином главаря банды «Распутина».

В результате налёта банды рабочие все разбежались и работа на сплаву парализована.

– Бандиты могут сделать нападение и на Коврижку, – заключил свой рассказ Поварницын.

– Я не хочу стать жертвой в руках банды, поэтому бросаю всю работу и сейчас же ухожу в Юкеево. Давай уйдём, тебя ведь тоже бандиты не пощадят.

– Нет Пётр, – ответил я. Во-первых, я больной и не смог бы уйти. А, во-вторых, от банды я бежать не хочу. Если нападут – буду защищаться. У меня есть наган и ружьё. В случае безвыходного положения живым им в руки не дамся.

Поварницын ушёл. Я приготовился встретить бандитов, если вздумают напасть.

Ночь прошла без всяких происшествий.

Вторая ночь тоже меня ничем не потревожила. Но утром пришёл ко мне продавец Коврижского ларька спецпереселенец Береснев и сообщил, что ночью совершенно нападение на склад с мукой, стоявший на окраине посёлка, что бандиты выстрелом из ружья напугали охранника старика, спецпереселенца Вендечанского, заставили его отойти от склада и через окно вытащили 12 мешков муки, из которых 8 мешков (Л. 112.) увезли, а 4 мешка оставили в лесу.

Я поднялся с постели, оделся и еле передвигая ноги, поплёлся за Бересневым к складу. Старик Вендечанский подтвердил сказанное Бересневым. По его словам, нападавшие грабители были одеты по местному, в лицо он их раньше нигде не видал. Больше он ничего сказать не мог.

По всему видимому, нападение было сделано не бандой «Распутина», а какими-то другими лицами. «Распутин» бы не ограничился только ограблением мучного склада, он наверняка, ограбил бы ларёк и мог напасть на меня.

Очевидно под шумок Ижевского нападения банды кто-то решил обеспечить мукой из склада леспродторга.

В тот же день я послал нарочного с донесением в Юкеево, чтобы передать о происшедшем в Кочёвский отдел ОГПУ.

Но в районе, видимо, не придали значения этому происшествию и в Коврижку никто не приезжал. Позднее выяснилось, что в районе милиция и ОГПУ побоялись выехать в Коврижку, опасаясь засады бандитов. Грабителей так и не обнаружили, а через год пронеслись слухи, что склад ограбили четверо мужиков из соседней деревни Дубровка.

Между тем, банда «Распутина» стала терроризировать население лесных деревень и посёлков Кочёвского района всё более чаще и наглее.

До коллективизации Гришка Никонов жил в деревне Прошиной Петуховского сельсовета Кочёвского района, имел середняцкое хозяйство, занимался прасольством в период НЭПа, то есть мелкой спекуляцией скота.

(Л. 112 об.) Когда местные органы власти стали облагать его трудовые доходы налогом, он стал уклоняться от их уплаты. Коллективизацию воспринял враждебно.

За неуплату налогов Никонова стали привлекать к судебной ответственности и при описи его имущества, Гришка, именовавший себя «Распутиным», убил своего соседа – активиста и с тех пор стал скрываться. Это было в 1930 году.

Скрываясь, Гришка приобрёл ещё несколько сообщников из числа своих соседей, тоже Никоновых: Прокопа Сергеевича и Прокопа Николаевича, Кивилёва из деревни Балда, Вавилина Конки и других.

В 1931 году банда «Распутина» совершила несколько ограблений колхозников, ларьков сельпо, леспродторга, резали скот у населения и тому подобное. Но всё же бандиты боялись выходить на большую дорогу и большей частью держались ближе к мелким лесным деревушкам и хуторам.

В 1932 году банда действовала гораздо смелее и наглее. Слухи о налётах и грабежах проносились по району и округу ошеломительнее один другого. Сегодня банда грабит проезжих в Юкеевском волоке, а через 2–3 дня приходит слух об ограблении колхозника в Воробьёвском сельсовете и так далее.

Так в течение весны и лета бандиты совершили более десятка вооружённых нападений: ограбили ларёк в деревне Липовой, ограбили таксаторов, убили двоих колхозников деревни Шаньшеровой, один из них был председателем колхоза. Убили одного активиста деревни Верх-Шудья. Обстреляли поселковую комендатуру в посёлке Янчер, где находился милиционер комендатуры Рискос, на Юкеевской дороге обстреляли милиционера Коновалова Ивана. (Л.113.) Не раз грабили на дороге почту, проезжающих советских работников, прохожих, изнасиловали женщин и т. п. По дороге от Кочёво до Юкеево и дальше ездить стало небезопасно, а в сторону Воробьёвского сельсовета, тем более в одиночку, из района не ездили.

Для борьбы с бандами в Косинский и Кочёвский районы приезжал кавалерийский эскадрон и вёл операции против бандитов около месяца. В Косинском районе, видимо, удалось ликвидировать банду. Курай куда-то скрылся. В Кочёвском районе отдельные группки бандитов были тоже перебиты, а Гришка Распутин, выделившись от менее надёжных бандитов, с тремя более оголтелыми преступниками (двое Прокопов и Кивилёв), научился ловко ускользать от преследования, часто меняя своё место пребывания и предупреждённый своими сообщниками и связистами, каждый раз вовремя успевал уходить. Леса и хутора надёжно способствовали скрываться бандитам, а скот колхозников служил им обильной пищей.

В течение лета 1932 года я выезжал в с. Юкеево не реже одного раза в неделю. Проезжал днём и ночью. По всей дороге густой кустарник и толстые стволы деревьев могли скрывать засады бандитов и я всегда опасался предательского выстрела, или нападения. Но к моему счастью таких случаев не произошло.

До меня не раз доходили слухи, что якобы бандиты говорили некоторым местным жителям при встречах, мол, этого Коврижского коменданта мы много раз видели едущим по дороге и могли подстрелить как рябчика. Позднее я понял причину, почему бандиты не нападали на меня. Весной в посёлке Коврижка расквартировались (Л.113 об.) двое таксаторов и

в течение лета проводили таксацию лесов в окрестностях посёлка. Для работы с ними я выделил 2–3 переселенцев и кроме них они взяли одного местного старика, который оказался отцом одного из бандитов шайки «Распутина».

Старика я не беспокоил и из района не требовали ничего в отношении его. Бандитов, по-видимому, устраивала безопасность старика и на Коврижку они не нападали, а вместе с тем и на меня.

Не встретив ни разу бандитов, я потом стал ездить без опаски. Наслаждался убаюкивающей тишиной леса, пением лесных птиц, под ласкающими лучами солнца временами я себя чувствовал как в раю, так было приятно ехать по лесной дороге, то поднимаясь на высокие перевалы, то спускаясь в долины мелких рек.

Под благотворным влиянием природы я затягивал песню и ни один встречный не нарушал моего упоения песнями. По более ровным местам я пускал свою маленькую кобылку «Волну» в галоп, а потом переходил на шаг. Так я проводил время в дороге, но не так оно проходило в посёлке.

НАЧАЛЬСТВО «ЗАИНТЕРЕСОВАЛОСЬ»

(Л.114.) Побегу спецпереселенцев возрастали. Я вынужден был дежурить по ночам. Днем тоже отдохнуть мне не давали и я не высыпался, похудел и, не поправившись как следует от болезни, чувствовал себя неважно.

В помощь мне из райкомендатуры присылали на 1 месяц милиционера, кроме того, у меня работал один парень из спецпереселенцев квартальным. Но все таки побегу предотвратить мы не могли.

3 июня я съездил в Кочёво. Райкомендант и райуполномоченный ОГПУ несколько воодушевили меня обещаниями, что, наверное, переселенцев из «Коврижки» переведут в другой посёлок и меня тоже.

Получил поддержку продуктами и дали ружьё двухстволку. В конце июня приехал ко мне до «Коврижки» мой дядюшка Яков Иванович.

По его рассказам мои родители и дети жили плохо, хлеба и других продуктов нет. Пришлось отправить с ним мешок муки, мешок отрубей и другие продукты. Проводил дядюшку до Кочёво, боясь, как-бы бандиты не подстрелили старика. Попрощался с ним в последний раз и больше я его не видел. Зимой он умер от язвы желудка.

В село Кочёво в это время приехал из Кудымкара окружной комендант ОСП ОГПУ Аргунов. Его интересовал вопрос роста бегства спецссылки и он, прежде всего, решил побывать в поселке «Коврижка», который являлся в этом отношении самым неблагополучным.

С Кочёво Аргунов поехал вместе со мной и стал расспрашивать меня почему спецпереселенцы бегут. (Л. 114 об.) Я высказал ему некоторые подробности основных причин побегов, которые порождаются тем, что поселок построен неудачно, очень далеко до населенных пунктов и это лишает возможности покупать у местного населения молочные продукты овощи и др. Леспродторг не торгует всеми необходимыми продуктами. Дороги нет и летом завоз продуктов на телегах сильно затруднен. Заработки работающих не обеспечивают содержание семей, а вторые, третьи и т.д. члены семей не могут иметь в поселке дополнительный заработок, не могут

занияться подсобным домашним хозяйством, так как нет пригодной земли для огородов. Страх перед угрозой смерти от недоедания и скуки без труда вынуждает их бежать из места ссылки.

– Что-же ты предлагаешь? – спросил меня Аргунов.

– Нужно немедленно вывезти всех переселенцев в другой более благоприятствующий для оседлости поселок – ответил я.

– Неправильно ты говоришь, – прервал меня Аргунов, – Коврижка находится в центре крупного лесного массива и спецпереселенцам работа тут обеспечена на многие десятки лет. Нужно только их закрепить и заставить работать. А с побегами нужно вести борьбу, нужно поставить на дорогах посты и задерживать бегущих. Договориться с колхозами, чтобы они выделяли людей на такие посты. В лесу нужно тоже устраивать преграды на дорогах в виде глубоких рвов, чтобы не могли через них переходить.

– Все предлагаемые Вами меры не будут эффективными, – отвечаю ему, – я думаю, что значительная часть населения будет способствовать побегам, а не нам. (Л.115.) Рвы и канавы на лесных дорогах тоже не будут служить препятствием, так как любой из бегущих топором может свалить дерево через ров и перейдет по нему. Да и кто выкопает эти рвы, какими силами?

– Твои рассуждения, товарищ Кривощёков, оппортунистические и с таким настроением ты сам не способен вести борьбу с побегами.

– Нет, т. Аргунов, мы со своим квартальным день и ночь караулим, но кто хочет сбежать, он сам подкарауливает нас и нам до сих пор удавалось задерживать очень немногих, но всё-таки эти люди потом ушли. Борьба должна быть не такого рода. Для предотвращения побегов нужно создать такие условия, чтобы люди могли жить и работать, а здесь этих условий пока нет.

Так спорили мы с Аргуновым почти всю дорогу. Посетив Коврижку он, видимо, несколько убедился в правоте моих доводов и уехал не предлагая мне больше копать рвы в лесу.

Вскоре пришло распоряжение об организации неуставной сельхозартели среди спецпереселенцев. После некоторой разъяснительной работы мне удалось вовлечь в артель 10 семей, большинство белорусов. Председателем артели избрали пожилого спецпереселенца Плавинского, имевшего высшее образование. Плавинский оказался деятельным мужиком и сразу взялся за работу.

Поскольку Косинский ЛПХ ничего не сделал, чтобы раскорчевать лес под огороды и пашню около Коврижки, пришлось выпросить пустующие земли на пути к селу Юксеево около 7 гектар и посеять овёс, а на Сёрве, где мельница, на небольшом участке посадили картофель.

(Л. 115 об.) В начале июля для сельхозартели дали несколько голов дойных коров и молоком помаленьку стали обеспечивать детей не только у членов артели, но и у остальных. Это немного облегчило положение переселенцев, но было слишком мало.

Однажды в Коврижку приехало высокое начальство из Свердловска, начальник отдела спецпереселения ПП ОГПУ по Уралу Шмелёв, с ромбом в петлицах. С ним приехали райкомендант Колесов, представитель Косинского ЛПХ Жачкин и другие. Осмотрев посёлок и побывавши в некоторых

домиках спецпереселенцев, начальники собрались в одном пустующем домике на совещание.

Шмелёв предложил представителям леспромхоза и леспродторга высказаться, что они думают сделать для улучшения жизни спецпереселенцев.

Много наговорили и наобещали выступавшие товарищи. В таком же духе говорил и райкомендант Колесов. По их словам выходило, что всё будет в порядке; дорогу они сделают, раскорчуют земли, будут завозить необходимые продукты и товары и люди будут жить хорошо.

Шмелёв почему-то не предоставил мне слова и хотел уже закрыть совещание.

– Разрешите мне высказать своё мнение, – обратился я к Шмелёву.

Всё, что здесь наговорили хозяйственники – это пустой звук. Половина лета уже прошла, а они ещё абсолютно ничего не сделали. Положение спецпереселенцев тяжёлое, около половины людей уже сбежало и умерло. Люди не видят перспектив к лучшему и неизбежно будут уходить. А пока хозяйственники соберутся к осени что-нибудь сделать, неизвестно, сколько останется людей. (Л. 116.) Да и кто будет корчевать лес и строить дорогу. Работоспособных переселенцев осталось уже немного. Машин никаких нет. Для того, чтобы сохранить оставшийся контингент людей, нужно вывезти их отсюда, – закончил я.

После некоторого молчания Шмелёв сказал:

– Во многом ты прав комендант. Мы подумаем над этим вопросом. А вы товарищи хозяйственники, действительно, только ведёте разговоры, но практически ничего не делаете. Давайте немедленно принимайте меры к улучшению материальных условий ссылки.

После отъезда Шмелёва и остальных всёравно в положении спецпереселенцев посёлка Коврижка ничего не изменилось. Побегии продолжались.

Встретившись вскоре после этого в селе Юкеево с Овчинниковым И. Ф., он рассказал мне, что Шмелёв уехал тоже с таким мнением о необходимости ликвидации посёлка Коврижка. Овчинников полностью разделял мои взгляды.

В августе сельхозартель приступила к уборке овса, раскорчёвке леса и на свежеразработанной земле стали сеять озимую рожь. На этих работах были заняты все трудоспособные члены артели, всего их было 20 человек. Жили все вместе в небольшой мельничной избушке на участке Сёрва. Я тоже постоянно находился вместе с ними, только спал в холодном помещении склада. Коров перегнали на Сёрву, а для Коврижских оставили пару коров.

30 августа 1932 года из Коврижки принесли весть. Моя Анна Ильинична родила сына, что сама здорова и просит приехать.

(Л. 116 об.) Сынишке дали имя Артур. Перед этим мы с Нюрой прочитали роман Э. Л. Войнич «Овод» и прониклись желанием, чтобы наш сын мог быть подобным герою Войнич и носил его имя.

Нужно добавить, что за год в посёлке Коврижка родилось только двое детей: наш сынишка и у спецпереселенцев Бересневых тоже родился сын. Береснев Василий работал продавцом и семья его находилась в лучших

материальных условиях. Но ребёнок Бересневых умер. Наш сын оказался единственным живым уроженцем этого злополучного посёлка.

Во второй половине сентября мне предоставили отпуск и я отгуляв в посёлке дня два выехал в Кудымкар и Истер-Дор. Без сомнения Нюре тоже скучно было оставаться одной с ребёнком в таком глухом посёлке. Я понимал это и, хотя мне в душе жаль было, но чувство долга перед своими родителями и детьми заставило меня оставить ненадолго Нюру и выехать, чтобы хотя немного помочь им выполнить кое-какие работы.

В Кудымкаре останавливался дня на 3 у Григория Васильевича. В Истердоре прожил недели две. В день празднования годовщины Великой Октябрьской революции побывал в деревне Паньковой у родителей Нюры. 8 ноября провёл в Коммуне. Весь вечер пели песни. 14 ноября я был уже в Коврижке. В декабре мне стало известно, что есть приказ ПП ОГПУ о назначении меня на новую должность практиканта в райаппарат ОГПУ села Кочёво.

Числа 13 декабря Нюру с сыном и прислугой Марфой отправил в Кочёво. Там она временно поместилась у Овчинниковых. Я освободился только в конце месяца и 27 декабря, навсегда оставив Коврижку, выехал в Кочёво.

1933 год. в Кочёво.

(Л. 117.) Как практикант я учился работать большей частью под руководством помощника уполномоченного Овчинникова И. Ф. Райуполномоченный Худяков А. Д. имел уже немалый опыт работы и у него тоже было чему научиться.

Работали обычно днём и ночью до 2–3 часов. Спать приходилось мало и это изнуряюще действовало на состояние здоровья. В первое время мне мало приходилось выезжать по району, ездили больше Худяков, Овчинников и внештатный сотрудник Москалёв.

Овчинников начинал уже вести следственные дела и учился частью от Худякова, а больше всего в своём собственном соку. Зимой началось следствие о вредительстве в Юкеевском совхозе. Этот совхоз, созданный в 1930-х годах на базе пустующих земель нескольких сельсоветов района с животноводческим уклоном, давал большие убытки государству, продукция в виде масла разбазаривалась, урожай с полеводства были низкие, скот погибал, лошади все болели стригущим лишаём, якобы занесённым вредителями.

Всё руководство совхоза было арестовано, а когда следствие закончилось, трибунал, судивший их, вынес приговор всей группе: высшую меру наказания – расстрел. Смертники более полмесяца ждали и наконец Президиум ВЦИК заменил им расстрел десятью годами тюрьмы.

Весной по распоряжению сверху начались массовые репрессии против антисоветских настроений части населения. Предварительно собирали компрометирующий материал по сельсоветам и деревням. Меня (Л.117 об.) Худяков послал в Дуровский сельсовет, и я тоже в течение суток собрал материал на большое число таких лиц.

Арестовано было около трёхсот человек. Пока разбирались с материалами и оформляли дела, прошло около месяца. Люди сидели в невообразимой тесноте и антисанитарных условиях, начались болезни и смертность.

Оказалось, что обвинительный материал слишком слабый и по требованию прокурора большинство арестованных было освобождено.

Мне казалось, что здесь Худяков чересчур переусердствовал. Я не видел распоряжения «сверху», но оно тоже преувеличивало опасность и дало повод к такому массовому глумлению и издевательствам над людьми. Какое-то количество людей осудили. Неизвестно, насколько это было оправданным, трудно сказать. После этих репрессий и отделных расстрелов на месте, личность Худякова в Кочёвском районе стала чрезвычайно известной и страшной для всех. Его стали бояться как огня, людям казалось, что в районе он царь и бог, что он может кого угодно посадить и уничтожить.

Секретарь райкома партии Третьяков Иван Егорович, видя, что Худяков кое-где перегибает, пытался одёрнуть его, но Худяков, по его рассказам, «отшил» секретаря следующими словами:

– Ты, ... твою мать, на меня не лезь. Если хочешь – лезь на стену. А ты, как пну, так ты вылетишь как футбольный мяч.

Пользуясь такой неограниченной властью, Худяков стал допускать всякий произвол. Так, например, он организовал столярную мастерскую, доходы от которой шли в руки Худякова. Завёл себе собственного выездного жеребца, содержал его за счёт государства и других побочных средств.

(Л. 118.) Часто выпивал даже днём в рабочее время. Нередко случалось, что облюбованных им красивых женщин под предлогом «своих» заводил в свой кабинет и оставался с ними на ночь. Он не стеснялся «использовать» для этих целей и красивых спецпереселенков.

Худяковым было сфабриковано дело на одного председателя сельпо, обвинённого во вредительстве. Судила его какая-то «тройка» и Худякову же было поручено расстрелять осужденного.

ОПЯТЬ БАНДА.

Зимой банда «Распутина» где-то скрывалась и о ней не было ни слуху, ни духу. Весной 1933-го года банда снова появилась. Первое нападение она совершила на Коврижку, ограбила ларёк. Комендантом в ней после меня являлся Дедов Г. П. Его в посёлке не было. Квартальный Дмитрий Грабалюк испугавшись и схватив винтовку коменданта, убежал в лес. Жена Дедова с ребёнком убежала в Юкеево. Бандиты захватили кое – какие вещи Дедова и унесли, искали винтовку, но не могли её найти.

После этого было сделано ещё несколько нападений на колхозников-активистов, а мер по ликвидации банды пока никаких не было.

Через некоторое время поступил сигнал, что банда имеет стоянку в лесу за пределами Воробьёвского сельсовета, в километрах девяти за деревней Верх-Шудья. (Л. 118 об.) Худяков вместе с оперуполномоченным окротдела Хозяшевым Филиппом наскоро собрали отряд из работников милиции и ОГПУ, в числе двенадцати человек, включая самих себя, и выехали туда. Меня Худяков оставил в отделе. Овчинников И. Ф., ездивший вместе с отрядом, мне потом рассказал, что когда отряд подъехал к месту стоянки банды, время подходило уже к вечеру. Отряд стал наблюдать за единственной избушкой, из которой выходил дымок. Худяков с Хозяшевым

решили не дожидаясь темноты уничтожить бандитов в избушке, полагая, что все они сидят в ней и, что в темноте они могут ускользнуть.

Приняв такое решение, отряд стал обстреливать избушку. Поскольку из неё никто не вышел, пошли, открыли дверь и нашли одного убитого человека. По донесению же считали, что бандитов должно быть 9 человек. Так отряд вернулся ни с чем. Позднее выяснилось, что бандиты на день куда-то уходили и к вечеру, возвращаясь, находились уже в двух километрах от избушки, когда услышали выстрелы и остановились.

За лето банда совершила ещё несколько ограблений, убийств и после каждого такого случая меняла своё место пребывания. Бандиты научились действовать налётами, быстро и умело пускали ложные сигналы о своих остратках.

Почти в течение всего лета в Кочёво находился небольшой отряд конной милиции, один оперуполномоченный из области Иван Шишлин и Хозяшев из окружного отдела, но уничтожить банду не удалось. «Распутин» оказался хитрее их и не уловим.

(Л. 119.) Оперуполномоченные вместе с Худяковым частенько пьянствовали и в пьяном виде выезжали искать банду, но конечно безрезультатно.

Однажды Худяков с Хозяшевым поймали по дороге одного мужика, который нёс в корзинке пять поллитровок водки и, заподозрив его, что якобы он несёт водку для бандитов, задержали мужика, привели в отдел и пьяный Худяков жестоко избил его, водку отобрал и отпустил. По разрешению ПП ОГПУ райондел ОГПУ вместе с милицией создали подсобное хозяйство за счёт изъятого у раскулаченных крестьян скота и земли. Пригнали всего пять лошадей и шесть коров.

Молоком обеспечивали всех сотрудников. Посеяли около двенадцати гектар яровых и сняли неплохой урожай. Благодаря дополнительным продуктам с подсобного хозяйства, мы стали лучше питаться и я значительно поправился, а был уже, как люди говорят «доходягой».

Худяков ввёл в работе такой распорядок: с 10 до 2-х часов работаем, с 2-х часов обедаем и до 4-х отдыхаем. После отдыха часа 2–3 играем в городки, потом ужинаем и работаем до 2–3 часов утра. Такое чередование занятий и отдыха способствовало укреплению здоровья и нервов.

Овчинников И. Ф. в начале лета из органов ОГПУ уволился по состоянию здоровья. После него обязанности, которые он выполнял, были возложены на меня и я чаще стал выезжать по району. Так прошло лето.

В середине лета четверо мужиков из ближнего от села Кочёво хутора тоже занялись ограблением соседних колхозников. Вскоре они были пойманы, но из-за оплошности охраны воры сумели сбежать. Худякову с милицией удалось скоро снова схватить «бандитов». По решению тройки их расстреляли в Кочёво, где принял участие и я. Из Кудымкара приезжал Тэнис.

ШИЛО В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ.

(Л. 119 об.) Положение в районе становилось напряжённое. Колхозы получали низкие урожаи, а урожайность определяли с завышением и план хлебозаготовок давался большой, на выполнение его уходил почти весь урожай, для скота, засыпку семян и распределением колхозникам мало что

оставалось. Зимой из-за недостатка кормов увеличился падеж скота, а из-за недостатка хлеба колхозники стали покидать свои избы и уходить на производство, на заводы, в города.

Сигналы обо всех таких затруднениях проходили через мои руки и я добросовестно составлял информации по этим вопросам, Худяков подписывал и мы представляли их окротделу. Но, видимо, на них никто не обращал внимания.

Неблагополучное экономическое положение волновало многих работников района и, между собой, часто происходили такие разговоры:

– Как и почему так получается? Кто виноват в создании такой ситуации, что колхозы вместо развития и прогресса опускаются ниже и экономика их падает, колхозники бегут?

Однажды в райотделе с поселковыми комендантами у нас возник разговор на эту тему. Худякова не было. Один из поселковых комендантов Пастухов Прокопий Сав. Обратился ко мне с вопросом:

– Почему в районе не принимаются меры по устранению несправедливости в отношении колхозов?

– Что я мог ему ответить? Когда сам был в недоумении.

Но при этом я допустил неосторожное выражение, что справедливость найти вообще трудно. А если бы ко всему (Л.120.) подходили справедливо и со всей строгостью, то возможно кое-кого следовало присудить к расстрелу и одним из первых попал бы наш Худяков.

Как выяснилось позже, эти мои слова Пастухов передал райуполномоченному ОГПУ по Юрлинскому району Булатову, а тот имел злобу на Худякова и донёс об этом начальнику окротдела ОГПУ Тэнису.

В декабре 1933 года Тэнис вызвал нас обоих с Худяковым в Кудымкар и прежде стал разговаривать со мной:

– Ты говорил Пастухову, что Худякова надо расстрелять? – спросил Тэнис.

– Да, нечто подобное говорил, – ответил я.

– Ну-ка расскажи, за что его следует расстрелять?

Я откровенно рассказал Тэнису о всех фактах недостойных поступков Худякова, какие были мне известны.

Тэнис внимательно выслушал меня и говорит:

– Хорошо, что ты откровенно всё рассказываешь. Но кто тебе разрешил об этих вещах болтать с подчинёнными? – повышенным тоном продолжал Тэнис.

– Какое право ты имел говорить на эту тему с людьми, которыми вы в районе руководите? Ты своей болтовнёй расшатываешь нашу чекистскую дисциплину, разглашаешь известные тебе факты подчинённым, которые не обязаны об этом знать. Тебе партия доверила важный участок работы и ты не умеешь вести себя, не оправдываешь этого доверия.

Ну и понёс, и понёс. Какие только убийственные и уничтожающие выражения он не произносил. Я сидел перед толстым Тэнисом подавленный и убитый. Сам себе я казался тут очень маленьким и думал, что вот сейчас он даст распоряжение, меня посадят и уничтожат, (Л. 120 об.) как уничтожили в Косе помощника уполномоченного РО ОГПУ Алексея Макарова, моего бывшего соученика по Юсьве. Райуполномоченный по Косинскому району

Путинцев, приятель Худякова, вытворял бесчинства ещё похлеще Худякова, Макаров решил разоблачить его преступления и Путинцев с ним расправился. Хотя вскоре его самого вместе с помощником Уполномоченного Федосеевым сняли с работы и судили.

Но Тэнис, видимо, не был намерен уничтожить меня и строго сказал:

– Предупреждаю, что в случае повторения подобной болтовни будешь привлечён к суровой ответственности. А всё, о чём рассказал, напиши.

Я вынужден был тут же написать.

Вскоре Худяков был переведён на работу в аппарат окротдела ОГПУ. А через год Тэнис, Худяков и ещё ряд работников окротдела ОГПУ были сняты с работы и осуждены к разным срокам заключения за злоупотребления своим служебным положением, за бытовой разврат и так далее. Начальником окротдела стал Другов.

В Кочёво вместо Худякова руководителем был назначен упомянутый выше Булатов. Но он работал у нас всего два месяца. Боясь, что Худяков из окротдела будет сводить с ним счёты, он попросился в ПП ОГПУ перевода в другой район вне округа.

Но зато Булатов успел за это время напакостить на меня. В откровенном разговоре с Булатовым на тему о продовольственных затруднениях в районе и тяжёлом положении колхозников, я высказал мысль, что видимо в руководстве сельским хозяйством что-то неладно и колхозы приходят к такому упадку. Булатов ничего мне не сказал, а сразу же, видимо, написал в ПП ОГПУ донесение на меня, обвиняя в национально-шовинистических настроениях, подобных тем, за которые в последнее время была «раскрыта» и ликвидирована контрреволюционная, националистическая, шовинистическая группа во главе с Чечулиным М.В. (?)-УТОЧНИТЬ.

(Л.121)

НОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ БАНДЫ. 1934 год

В апреле и мае мне пришлось в отсутствие Булатова возглавлять работу в райотделе ОГПУ. Как-то раз пришёл ко мне один из колхозников Воробьёвского сельсовета Жаков Пётр и стал просить малокалиберную винтовку на несколько дней с патронами, обещая принести глухарей. Я дал ему винтовку с 25-ю патронами и он ушёл.

Через несколько дней поступило сообщение, что Жакова кто-то убил в лесу выстрелом из оружия, пуля прошла вдоль спины. Малокалиберку унесли и, кто убил, выяснить не удалось.

Прошло ещё около недели. Вдруг новое сообщение: на полях около деревни Воробьёвой, работавших на весеннем севе колхозников, обстреляли и разогнали бандиты. Я предложил начальнику райотделения милиции т. Бузинову немедленно выехать на место, выяснить, кто обстрелял колхозников и по своему усмотрению принять меры на месте.

Бузинов съездил, вернулся с милиционерами в тот же вечер и сообщил мне, что действительно появилась банда «Распутина». А куда она ушла – он выяснять и искать не стал. По моему донесению из Кудымкара на другой же день приехал начальник окротдела Тэнис с помощниками. Вызвал Бузинова и тот доложил о результатах своей поездки.

– А, почему ты не стал преследовать банду? – спросил Тэнис.

– Кривощёков мне не давал распоряжения об этом и я ограничился только выяснением, кто напал на колхозников, – говорит Бузинов.

– Но ведь ты сам, как начальник милиции мог бы (л.121 об.) принять решение и со своими подчинёнными преследовать бандитов. Почему ты не поехал по следам банды? Ты кто – начальник, или рядовой? – и стал давать Бузинову такой нагоняй, что бедняга, сидя перед Тэнисом на стуле, сжался в комочек и сделался маленьким, маленьким. Попало и мне, конечно, досыта.

Вскоре приехал новый начальник райотдела ОГПУ вместо Булатова, Таскаев Никифор Сергеевич, из округа приехали оперуполномоченные Хозяшев и Анучин. Были организованы несколько групп, в которые включили работников милиции и местных активистов.

Одна из групп под руководством оперуполномоченного УРО милиции Тотьмянина наткнулась на банду в густом ельнике, но обстреляла неумело и бандитам удалось скрыться. При этом один из бандитов Прокоп был ранен. Часть оружия бандиты оставили. Тут оказалась и данная мной Жакову П. малокалиберная винтовка. Только теперь установили, что Жакова убили бандиты при возвращении из Кировской области, где проводили зиму.

Другая группа в числе трёх человек из местных колхозников на другой день тоже наскочила на бандитов. «Распутин» подпустив их поближе выстрелами в упор одного убил наповал, другого смертельно ранил и тот ночью умер. Третий из преследователей еле сумел скрыться. Раненого бандита Прокопа группе Тотьмянина удалось подстеречь и убить, через некоторое время.

На другой день приезжал Тэнис, удостовериться, верно ли убит бандит, и через день выехал обратно.

В эти же дни мне пришлось срочно выехать в Свердловск на совещание в ПП ОГПУ по Уралу. Проходя по коридору меня случайно встретил И. Шишлин и говорит:

– Смотри, Михаил, какую телеграмму даёт Тэнис: «в результате моего выезда в Кочёвский район, убит бандит Никонов Прокоп», – как ты это находишь?

(Л. 122) – Так ведь Тэнис приезжал в Кочёво только на другой день после убийства бандита, – ответил я.

Так Тэнис присваивал себе лавры «победы» над бандой. Но банду в это лето больше настичь не удалось. В августе я с группой из трёх поддельных бандитов около недели бродил по лесам в окрестностях Прошина, но было всё без толку. Бандиты стали действовать очень хитро и осторожно. Их не могли поймать и в 1935 году. Только в марте 1936 года Распутин, второй Прокоп и Кивилёв были схвачены в одной из деревень Бисеровского района Кировской области, где они скрывались и занимались копать колодцы жителям.

В течение лета 1934 года в селе Кочёво почти всё время находился оперуполномоченный окротдела Ф. Хозяшев, при помощи местных активистов ему удалось ликвидировать ещё двоих бандитов-одиночек: Тетерлева и Аганина, а позднее в Березниках был схвачен бандит Москалёв при помощи подосланного бывшего бандита Конки Вавилина.

Новый начальник отдела Таскаев тоже захватил одного бандита – одиночку Боголюбова.

«ПРОРАБОТКА»

Кляуза Булатова, по-видимому, родила на мою персону «дело» и началась разработка. В первое время, конечно, я об этом даже не догадывался. Летом приезжал из областного управления какой-то особо уполномоченный. Задавал мне несколько подозрительных вопросов и уехал. Осенью приехал опять такой же опер по фамилии Гудилин и с ведома Таскаева была подстроена совместная поездка его со мной по району. Проездили мы с ним дней пять. Побывали в некоторых из пришедших в большой упадок колхозах и двух спецпосёлках. Гудилин старался войти ко мне в доверие и вёл себя очень просто, шутил, смеялся, пел песни и так далее. (Л. 122). Когда вернулся в райотдел, тут оказался ещё один оперуполномоченный, тот самый Куимов, приехавший в 1931 году в Коврижку.

Куимов стал задавать мне вопросы прямо, они сводились к тому, чтобы я ответил: «почему возникли в районе продовольственные затруднения, кто в этом виноват и какой выход из создавшегося положения?»

Я ответил так, как думал, что во всём виновато руководство и выход в том, что в отношении колхозов Коми-пермяцкого округа нужна помощь, чтобы поднять их экономику, нужно организовать МТС в Кочёво и так далее. После их отъезда прошло пять месяцев и вот в конце марта 1935 года получили приказ по управлению НКВД Свердловской области об увольнении меня из органов НКВД за антисоветские настроения и связь с чуждым элементом. Кочёвский райком партии на бюро райкома поставил вопрос о моей партийности и исключил меня из партии. При этом произошло неожиданное для меня явление. Мой бывший начальник райотдела Таскаев, как член бюро, голосовал против исключения меня из партии, объясняя это тем, что он не видит за мной ни какого преступления и вины, за что следовало бы исключить из партии.

Я даже в первое время не понял Таскаева. Для меня было понятно одно, что поскольку Таскаеву было известно о «проработке» моей личности и, кроме того приписали, что моя жена дочь «кулака» и тому подобное. Это стало известно другим сотрудникам отдела и, в течение последних месяцев, я уже явно видел с их стороны презрительное отношение к себе. Все, начиная с Таскаева и кончая жёнами сотрудников, чуждались меня и моей жены. И теперь, когда меня изгнали, Таскаев изменил ко мне отношение, он даже пригласил нас с женой в гости к себе.

Позднее я убедился, что начальник окружного отдела НКВД Другов и Таскаев, действительно не считали меня в чём-либо виновным.

(Л. 123). Следует привести ещё один случай характеризующий мнимое и предвзятое изображение меня в виде национал-шовиниста и враждебного элемента.

За два года после увольнения из аппарата райотдела в Кочёво Овчинникова И. Ф., на этой должности служили и были уволены три человека.

Первым из них был Москалёв И.М., местный коми-пермяк. В начале 1934 года, при чистке рядов партии, он был «вычищен», то-есть исключён из

партии. Особенных, веских компрометирующих данных для этого не было, но присутствующий при чистке зам. начальника окротдела Зеленкин, настоял на исключении и Москалёва вычистили из партии и уволили из органов. Москалёв был неплохой работник, но кому-то нужно было его изгнать.

Вскоре из обл. управления прислали на эту должность не очень толкового паренька, по национальности русского, Седова, которого через полгода уволили по непригодности. Несколько позже я узнал, что Седову при назначении было поручено присматривать за мной, за проявлением с моей стороны фактов национал-шовинизма и враждебности к русским.

После Седова был назначен новый работник, некто Мизев. Он тоже работал всего несколько месяцев и был уволен также по непригодности.

Перед выездом из Кочёво Мизев зашёл ко мне и говорит:

– Слушай т. Кривощёков. Ты ведь не знал, что я тоже коми-пермяк, только я Гаинский. Когда я приехал сюда, меня предупредили кое-кто из работников, в частности инспектор райкомендатуры Дедов и другие, что ты, якобы, не любишь русских. Поэтому они посоветовали мне в разговорах с тобой не показывать себя коми-пермяком и ты, мол, тоже можешь (Л. 123 об.) убедиться в том, что Кривощёков и тебя будет ненавидеть как русского.

– Я, действительно, последовал их совету, – продолжал Мизев.

– С тобой я разговаривал только по русски и своего родного коми языка не выявлял, старался воздерживаться от установления товарищеских отношений с тобой и держался ближе к ним. Теперь меня уволили и мне всё равно уже скрывать от тебя нечего. Я решил откровенно признаться, что я ничего в тебе плохого не заметил и не видел. Я извиняюсь перед тобой за то, что не по товарищески относился к тебе и несправедливо питал к тебе недоверчивость и подозрительность.

Я был удивлён этим сообщением и, всё-таки, продолжал ещё верить, что лжи и клевете в наших органах не может быть места и я буду всегда оправдан. А оказалось не так.

(Л. 124). РАЗМЫШЛЕНИЯ ЗА БОРТОМ.

Ну, вот... и пришёл конец моему пребыванию в партии. До сих пор я был сыном нашей великой матери – коммунистической партии. Чувствовал себя равноправным членом общества, хозяином своей страны, винтиком в большом и сложном механизме Советского государства. Болел душой за процветание Родины и вкладывал свои силы, сколько мог на то, чтобы построить в нашей стране светлое здание коммунизма.

Как коммунист я не хотел проходить мимо недостатков и сделал небольшую попытку возразить против несправедливости. За это меня очернили, оплевали и выгнали, как собаку, на все четыре стороны. Лишили звания коммуниста, которым я гордился и дорожил больше всего в жизни.

– Неужели, – думал я, – что-то плохое, неуютное партии мною допущено?

Неужели в нашей партии не осталось места для справедливости и искренности, для чести и совести?

Нет! Не может этого быть. Партия любит правду и справедливость. Я добьюсь своего восстановления в партии. С такой надеждой и мыслями я выезжал из Кочево в Кудымкар, усадив жену с детьми в сани и

со своим небольшим багажником. Тоскаев одобрил мое решение. В Кудымкаре нас временно приютили сестра Нюры-Лушка, со своим мужем нарсудьей Контиевым.

Но, моим надеждам не суждено было сбыться. Окружком партии при рассмотрении моей апелляции даже не вызвал меня на бюро и утвердил решение бюро Кочевского райкома. Секретарь окружкома Благодравов в личной беседе задал мне только один замысловатый вопрос: «А вы, как... широко проводили эту работу?» Что он хотел этим сказать. Не знаю.

Свердловский обком партии тоже решил не в мою пользу, и я остался выброшенным за бортом.

Возникла мысль покинуть свой родной край и выехать на юг, в совхоз «Гигант» поступить рабочим, но поговорив с женой раздумали из-за болезненного состояния детей, боясь «потерять» их дорогой.

Предпринял попытку устроиться в коммуне «Заря будущего». Сходил туда, чтобы договориться с коммунарами о квартире и т.д. Но попал туда, как раз в такой острый момент, когда Юсьвинский райком партии и его первый секретарь Забибулин усиленно заставляли проводить сверххранний сев яровых на полях, только что выходявших из под снега.

Колхозы видели в этом мероприятии напрасную трату сил и семян и очень неохотно шли на это дело. Председатель Коммуны Можавев и секретарь парторганизации Александра Брагина пришли из райкома расстроенные и подавленные. Им грозили исключением из партии. Они спрашивали моего совета.

Я же всегда больше всего слушался своей совести и рассудка и не мог поддержать такого неумного дела и посоветовал им не сеять.

В такой обстановке мой приход в коммуну и сопротивление ей проведению «сверххраннего сева» были бы оценены, как влияние чуждого и враждебного элемента, исключенного из партии и т.п. И, вывод был бы один: «изъять его и изолировать». Я очень хорошо знал этот метод. Шагнуть в пасть тюрьмы и погибнуть там мне еще не хотелось. И пришлось вернуться в Кудымкар.

Что делать? Пусть я остался вне партии. Но останусь человеком. Буду трудиться вместе с людьми, приносить какую-то пользу обществу, растить и воспитывать детей своих.

**Копию с рукописи без изменений снял Г. Гудовщиков
Сентябрь 2005 г.**

**Рассказ Иосифа Михеевича Храмцова
в госпитале ГУВД Пермского края в палате
для ветеранов ВОВ № 404.**

– Ты, Гудовщиков, ещё молодой, можешь что-то и не понять, но врач наш Алексей Николаевич, заходил третьего дня и больше не был, а ведь больные-то мы, а не он. Страдаем то ли за Родину, то ли из-за себя, наверное, всё вместе. Хоть бы, что-то прописал – лекарство какое-то, может и полегчало бы на душе, а то только слышим от него:

– Я всю Чеченскую войну прошёл, а мне никакого уважения, я – майор, а сёстрам в гражданской больнице платят столько же сколько и мне. Стыдно!

– Кому Гудовщиков стыдно? Может быть мне? Что платят пенсию крохи. Мне чем и погордиться-то, так только отчеством. Отчество у меня белорусское, отца Михеем звали. Я-то с 27-го года рождения. Двадцать седьмой год на фронт не брали, а мы из-под оккупации, нас оставлять в тылу было нельзя, может мы продажные души и, поэтому, сразу призывали в Красную армию.

В сорок первом, когда наши отступили, мы немцев, конечно, ждали с большой опаской. Жили в деревне под Могилёвом, слышал про Могилёв-то? Ну раз слыхивал то представляешь, где это находится. Так вот, немцы вошли в село неожиданно, однако наш председатель колхоза с женой, успел встретить их за околицей с хлебом солью. Таровитый умом мужик был. Солдаты с полчасика отдохнули, девки, по наущению председателя, продуктов им всяких нанесли, и те поехали дальше.

Осенью убрали весь хлеб. Большую часть немцы увезли для своего вермахта, остальное распределили меж селянами. К весне оголодали, хлеб закончился. Когда потеплело председатель с несколькими мужиками ушли в партизаны. Обратного никто не вернулся – все погибли. А меня мать, чтобы из дому в лес к партизанам не убежал, увезла в Могилёв, там и заработки у немцев были, и прокормиться можно было.

Могилёв был включен немцами в генеральный округ «Б» Рейхскомиссариата «Остланд» и превращён в зону немецкого тыла с постепенным уничтожением местного населения. Только в предместье Могилёва Лупалово карателями было расстреляно свыше тридцати тысяч человек. Моя мать очень боялась за меня, так как могли мобилизовать воевать против Красной армии или партизан. На территории Белоруссии была сформирована 30-я Белорусская дивизия войск «СС» и постоянно действовали части Эстонской дивизии № 1 «СС», которые воевали не столько с партизанами, сколько с мирным населением.

28 июня 1944 года Могилёв освободила наша Армия. Призвали меня в войска НКВД, 24-ую дивизию, школу сержантского состава оперативного полка наркомата внутренних дел. Номер не помню. Вместо шести месяцев учёбы, проучились три года, вот так! Слышал такое? Нет. Слушай дальше.

Я ведь участник Великой Отечественной. Прочитал как-то перед пенсией личное своё дело. Так там участие в боевых операциях расписано по часам. В какой день сколько часов воевали и с кем. Лишнее не приписывали,

но и правду не прятали. Не то, что сейчас. Был, не был на войне – я участник! Какой участник? Какой войны? Ничего не понимаю.

Вся моя учёба в течение трёх с лишним лет прошла в командировках в Прибалтике. Наша задача состояла в ликвидации различных бандитских и подпольных, партизанских групп, таких как «лесные братья». Госбезопасность выявляла и устанавливала их схроны, а мы по 2–3 дня их оттуда выбывали. Сдавались они не часто – приходилось в основном уничтожать.

Ходили по лесам недели по две. Проводили «зачистку». Затем кратковременный отдых и снова в леса.

Все трупы собирали и свозили к близлежащему костёлу для пропаганды и воспитательного воздействия, складывая их в штабеля более сотни, которые охраняли автоматчики, так как родственники их воровали и хоронили. Зимой держали на снегу недели по две, а затем в основном после религиозных праздников отдавали для захоронения, при этом жители видели, что РККА и НКВД не шутят.

При проверках оказывалось, что большинство «братьев» служили в различных оперкомандах айнзатцгруппы «А», которые только за первые пять месяцев войны уничтожили в Литве сто тысяч евреев, а к приходу Красной армии, всё остальное еврейское население. Сдаться им было нельзя. Из латышей тоже было создано три дивизии войск «СС», часть из которых остались дома и ушли в подполье. У них оружие, форма одежды, документы и так далее, всё было немецкое и ничего своего.

Практически всё население сочувствовало бандитам и ненавидело «советских». Родственников оставлять было нельзя, они тоже брались за оружие. Поэтому всех их, включая женщин и детей рассаживали в поезда, на крышах устанавливали пулемёты, в тамбуры конвой и вывозили эшелонами на Урал и в Сибирь.

В отместку «лесные братья» и «серые волки» кроме того, что убивали коммунистов и красноармейцев, издевались над советскими людьми. В одном из сельсоветов работала русская молодая женщина, которая была беременной. Бандиты вспороли ей живот, плод выбросили, а ей зашили в утробу кролика. Солдаты не успели её довести до райцентра Шауляй, по дороге она скончалась. Подобных случаев я помню множество.

До 1949 года мне пришлось устанавливать Советскую власть в этих трёх республиках, а затем я был переведён в Москву для дальнейшего прохождения службы.

В 1952 году направили меня на учёбу в Вильнюсскую оперативную школу войск НКВД СССР, которую окончил через год и уже в августе 1953 года прибыл в город Соликамск Пермской области, управление «Соликамсклаг». Вакантных должностей не было и меня быстро усадили в проходящую баржу, на которой поплыли мы через Бондюг, Муртым, Гари и на Чёльву-речку. Лагерь назывался «Мазунья», а точнее лагерное отделение, которое состояло из пяти лагерных пунктов.

Определили меня в лагпункт «Бартом», в километрах 15-20 от села Пятигоры, от Камы в километрах шести, на горе, возле соснового бора. После известной тебе амнистии 1953 года лагеря опустели. Наш лагпункт был небольшой, до 500 человек. Заключённые жили в бараках, заготавливали и сплавляли лес. Начальником был капитан Пономарёв, и

местных коми-пермяков. Охрана вольнонаёмная, вся из местного населения близлежащих деревень. Древние старики, которые сидели на вышках с берданками как серые вороны. Хотя солдат в охрану после 1947 года и стали призывать, но до этой глухомани они не дошли, а может руководство лагерей и не хотело их к нам отправлять.

По приказу Управления поставлен я был на должность оперуполномоченного, по лагерному: «Кум», имел звание МВД, то есть лейтенант внутренней службы. Должен был радоваться, что получил самостоятельную должность и интересную работу, но не мог. До меня в лагпункте оперуполномоченным был капитан Кудымов, коми-пермяк, хороший человек и прекрасный работник, но без должного образования. Поэтому его перевели в другой лагерь, а уволиться он не мог по своему желанию, так как кадров не хватало и бросить работу нельзя, сам станешь осужденным.

Главное в моей службе было: пресекать побег, нападения на караулы и ссоры между «зеками». Но было всякое. Драки между заключёнными бывали часто, при этом выпрыгивали на запретную зону, а старик на вышке хоть и слепой, но выстрелит и убьёт наповал. Ему же некогда разбираться. Поэтому приходилось мне проводить расследования.

Был у нас «вор в законе» по кличке «Прочухан». Обычно воры имели по несколько фамилий. После каждого побега её меняли, а кличка (погоняло) оставалась прежней. На работу он не ходил и держал всю «зону» в кулаке. На производстве проводили зачёты по результатам труда, а здесь нарубил ты лес 10 кубометров, а тебе не запишут, а запишут вору в законе. Нормировщики и мастера из заключённых и не могут послушаться того же Прочухана. Решил я его скомпрометировать в лице зеков. Вызывал его в кабинет, когда все возвращались с работы. Пусть думают о нём, что он ходит к «Куму». В душе у людей невольно возникает подозрение. Мы с ним беседуем и я записываю. Он достаёт из валенка шприц, набирает чернила и делает «ширево», то есть полностью влил себе в руку чернила и хоть бы что, даже глазом не моргнул. Решил меня напугать таким образом. Так ничего с ним сделать не смог. Проработав в «Бартоме» года полтора, я был переведён в 72-й лагпункт на правом берегу реки Кама, ниже села Коса километров на двадцать.

В Косинском райотделе милиции начальником паспортного стола работала капитан Вавилина, а может Вавилова, уже подзабыл. Мы с ней познакомились, когда прописывали мою жену, приехавшую ко мне на постоянное место жительства.

Возле «зоны» стояли два барака и в них жили: начальник, его заместитель, опер (один на «зону»), надзиратели с семьями.

Начальник лагпункта – Петляков Александр Иванович, в тридцатые годы работал в Ленинградском УНКВД, в охране Кирова, а когда Сергея Мироновича убили, то его упрятали в систему ГУЛАГА на Урал, охранять зеков.

Его заместителем был Поротников, сам ещё молодой, но уже имевший пятерых детей.

Вольнонаёмные мастера: Останин, из местных и немец Вотчель – трудармеец.

Охрана уже состояла из солдат, командир взвода лейтенант Касенко.

Внутренняя зона – 15 бараков в три ряда. В них жило до 900 человек, а наполняемость по штату до 600. Через год после амнистии заключённых в лагерях и колониях стало в полтора – два раза больше. На свободе они гуляли недолго, да ещё с собой на зону прихватывали свежий контингент из числа молодёжи.

Начальником управления в Соликамске в это время был полковник Симанович, начальник 1-го отдела капитан Жовчин. Начальник управления охраны капитан Пластилин. Эти руководители были моими прямыми начальниками.

Лагпункт № 72 располагался почти на берегу Камы, возле посёлка Мазуня, в котором жили гражданские лица. Там же на берегу был построен нижний склад для разделки древесины. Заготовку производили «зеки», а расквоирированные по ночам вели сплотку и формировали плоты, после чего их сплавляли.

В посёлке стоял административный барак, в нём работал производственный отдел из числа аттестованного состава и вольнонаёмных женщин живших в своих домах.

На противоположном берегу Камы, напротив посёлка Мазуня, находился сельхозлагерь, в котором отбывали срок заключения около 600 женщин. Они выращивали овощи для спецконтингента лагпунктов. Насколько мне известно: до них и после ликвидации лагеря, никто в таких больших объёмах здесь не мог получать подобные урожаи.

За прошедшие два года службы на 72-м лагпункте было совершено два побега. Дело было так. Зимой делянка, где заготавливают древесину, обносится лыжнёй и по этой лыжне ходят солдаты друг за другом через определённый интервал. Однажды собаковод и солдат обнаружили след в сторону населённого пункта Гари. На лыжах догнали быстро. Застрелили. Приезжал прокурор из Соликамска – всё правомерно.

Ещё один зек сделал подкоп из зоны. Копал один, но вовремя обнаружили. Пристрелили в подкопе, но уже за забором.

Заключённые были родом из Москвы, Перми, Белоруссии, Украины. Политических не было. У них был лагерь в Чёлве. Лагпункт № 8. Начальник лагеря капитан Осинцев. У него сидели настоящие «контрики», человек пятьсот.

Этапы ходили по Каме (передвижение заключённых по этапу, иначе – этапирование), перевозили на баржах до Чёлвы, а там пешком вместе с конвоем. Осужденных брал к нам в лагпункт осмотрительно, подельников (проходящих по одному уголовному делу) нельзя допускать, а если уже отбывали срок заключения у нас, то отправлял дальше.

Жил в лагпункте безвыездно два года. Жена нигде не работала, а она у меня юрист, до замужества трудилась начальником спецчасти прокуратуры гор. Перми, которая находилась в здании нынешнего гастронома по улице Сибирской. Когда дочке исполнилось 6 лет, я предъявил ультиматум своему руководству, что ей нужно учиться в школе, а поблизости нигде нет, после чего меня перевели в Красновишерск.

Опять работал опером в двух лагпунктах, затем в 1960 году на районной партконференции познакомился с начальником Красновишерского РОВД Азановым и он способствовал моему переводу к ним в отдел оперупол-

номоченным ОУР. Старшим оперуполномоченным был Борис Бычин, в последствии работавший у вас в округе начальником Гайнского райотдела милиции. Работать стало намного легче, т.к. преступность была невысокая, а раскрываемость хорошая.

После поступления в Высшую школу МВД на заочное отделение, меня назначили начальником следственного отделения Александровского ОВД, а затем начальником ПОМ на строительстве Яйвинской ГРЭС. И тут, после двух лет нормальной службы, начались неприятности.

Первый секретарь Горнозаводского РК КПСС Швецов в сильном подпитии приехал встречать на железнодорожную станцию свою жену, а она не приехала. Тогда он со злости начал гонять по вокзалу работницу и дежурный старшина, не ведая с кем имеет дело, закрыл его в КПЗ. А на утро меня как члена райкома партии вызывают к первому секретарю прямо в камеру. После этого начались гонения на милицию. Перевели меня в Добрянку заместителем начальника РОВД, а начальником был Пономарёв, ранее работавший в Коми-пермяцком округе.

Дети выросли, уехали в Пермь и бывшие друзья из Могилёва решили мне помочь перевестись в Белоруссию. Заместителем по кадрам у начальника УВД Пермской области был полковник Рязанов, бывший работник обкома КПСС. Он все просьбы МВД Белоруссии проигнорировал и меня перевели старшим оперуполномоченным ОУР Дзержинского РОВД, в противном лучае Рязанов пообещал уволить меня на ограниченную пенсию, а такое право у него было. Когда Лёвина (начальник УВД Пермской области) перевели Главным инспектором МВД СССР, то его заместителя Мажуру более шести месяцев не утверждали в должности начальника УВД, мешал Рязанов. Он и Мажурой командовал и тот терпел.

В 1969 году перешёл дежурным помощником начальника отдела в Закамск, после чего вышел на пенсию, сумма которой составляла 130 рублей от 190 рублей жалования по последней должности.

**Запись с сохранением особенностей речи рассказчика произвёл
Г. Гудовщиков.
22.04.2006 года.**

Издание Коми-Пермяцкого отделения международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», председатель правления **Кривошеков А. М.**

Авторы-составители : **Гудовщиков Г. Л., Кривошеков А. М.**
Оформление: **Вилесов П. К., Гудовщиков Г. Л.**

Коми-Пермяцкое окружное отделение общества «Мемориал» выражает благодарность директору ГОУП «Кудымкарская типография» **Владимиру Петровичу Яркову** за большое участие в выпуске данного издания.

Предложения и замечания просьба направлять по адресу:
619000, г. Кудымкар Коми-Пермяцкого автономного округа, ул. 50 лет Октября, 30, к. 30, общественная приемная Коми-Пермяцкого окружного отделения общества «Мемориал».

